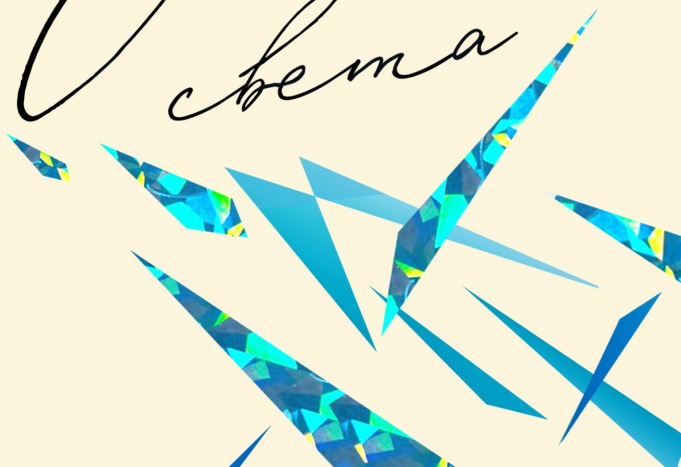

INSPIRIA

ДЖОАНН ХАРРИС

*Прыжки
света*

INSPIRIA

Джоанн Харрис
Осколки света
Серия «Novel. Авторская
серия Джоанн Харрис»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70339336
Осколки света: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-199687-1

Аннотация

Новинка от Джоанн Харрис, автора четырех циклов книг, мастера в создании уникальной атмосферы и захватывающего сюжета с сочетанием мистики, фэнтези и реализма.

Главная героиня решает изменить существующие стереотипы в обществе и доказать, что открыть в себе новые способности и стремления можно в любом возрасте, а также, что никогда не поздно начать жить для себя.

Берни Мун чувствует себя невидимкой. Она отдала свою жизнь другим людям – мужу, сыну, матери, друзьям (хотя у нее никого из них не осталось). В 16 лет она была полна надежд и сил. Теперь, когда ей исполнилось 50, она угасает.

Но когда в ее районе убивают молодую женщину, это пробуждает детские воспоминания о таланте, который у нее когда-то был.

Она обещала себе, что больше никогда им не воспользуется.

Она знает, что это может уничтожить не только ее, но и всех вокруг.

Берни Мун больше не остается незамеченной, но готовы ли окружающие принять ее желание измениться?

Книга понравится поклонникам детективов, магического реализма, триллеров и качественной женской прозы.

Содержание

Плейлист	10
Вступление: A Kind of Magic[1]	11
Песня первая: Girls Just Wanna Have Fun[3]	15
Песня вторая: Manchild[6]	28
Песня третья: All I Really Want[14]	108
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Джоанн Харрис

Осколки света

Joanne Harris

Broken Light

Copyright © Frogspawn Ltd 2023

© Шурупова Е., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

ДЖОАНН
ХАРРИС

*Прыжки
с высоты*

INSPIRIA

Москва
2024

Фреду Харрису, лучшему мужчине

Плейлист

Вступление: Queen – A Kind of Magic

Песня первая: Cyndi Lauper – Girls Just Wanna Have Fun

Песня вторая: Neneh Cherry – Manchild

Песня третья: Alanis Morissette – All I Really Want

Песня четвертая: Kate Bush – Strange Phenomena

Песня пятая: Emilie Autumn – Fight Like a Girl

Песня шестая: Nick Lowe – The Beast in Me

Песня седьмая: Ani de Franco – Little Plastic Castle

Песня восьмая: The Righteous Brothers – Unchained

Melody

Песня девятая: Phil Collins – I Missed Again

Песня десятая: Queen – Another One Bites The Dust

Песня одиннадцатая: David Bowie – Changes

Песня двенадцатая: Sally Oldfield – Mirrors

На бис: Kate Bush – The Man With the Child in His Eyes

Вступление: A Kind of Magic¹

1

Из «Живого журнала» Бернадетт Ингрэм (под никнеймом «Б. И. как на духу¹»):

26 марта 2022 г.

На месте первых семи лет моей жизни зияет пустота. До них я ничего не помню. Большинство детей запоминает хоть что-нибудь, а вот я – нет. Ни любимой игрушки, ни колыбельной, ни даже падения с лестницы. Мои воспоминания начинаются с полседьмого вечера двенадцатого сентября тысяча девятьсот семьдесят девятого, и эти события я помню с кристальной четкостью.

Был мой день рождения, и мама с папой повели меня посмотреть на фокусницу, госпожу Чаровник. Вижу тот вечер как наяву. Красная ковровая дорожка на длинной лестнице, красный бархат кресел, от старости потускневший до персикового, театральные бинокли на спинках. Запах дыма, огни концертного зала, музыканты в оркестровой яме, херувимы на потолке... Каждая мелочь сохранилась в памяти, кроме

¹ Почти что волшебство (англ.). (Здесь и далее прим. перев.)

одной: там была Кэти. Остался даже чуть потускневший снимок, на котором мы вдвоем стоим в фойе. Мы похожи на сестер. У нас все одинаковое: и темные волосы до подбородка, и челка, и оживление на лицах. Даже платья одного фасона: на мне розовое, на Кэти – голубое. Сомнений нет, это снимок с того вечера, и все же я совершенно не помню там Кэти. Будто вырезали из памяти.

Зато помню все остальное. Огни, музыку, изумленную тишину в зале. Кролика из черного цилиндра. Стекланный ящик и семь мечей. Жуткую голову Сфинкса в коробке. Бумажные цветы и порхающих голубей. Сильнее всего мне запомнился фокус со столом. А еще *ее* взгляд и слова, которые она прошептала мне на ухо. Да, это я помню прекрасно. Тогда-то и свершилось истинное волшебство.

Сначала появился обеденный стол, накрытый скатертью из дамаста и уставленный посудой, канделябрами и бокалами вина. Госпожа Чаровник раскинула руки, демонстрируя нам вазы с фруктами, изящные конфетницы и блюда под крышками. Задняя часть сцены была вся увешана зеркалами, отражающими свет. Я даже увидела в них свое бледное личико в первом ряду. Оно волшебным образом зависло в воздухе, как шарик на новогодней елке.

Барабанная дробь. Погас свет. Зал смолк в ожидании. Чаровник в мгновение ока сдернула скатерть со стола, не загасив ни единой свечи, не сдвинув с места посуды, кроме бокала вина – он как-то очутился у фокусницы в руке, и она

подняла его, чувствуя зрителей. Остальные бокалы и тарелки остались на месте. Миг – и Чаровник развернула стол, и канделябр оказался на противоположном конце...

Тогда я была совсем маленькой, однако же прекрасно все помню. Грим на лице фокусницы. Ее костюм – серебристый фрак, черные сапоги, сдвинутый набок цилиндр. Она улыбнулась мне, а потом с удовольствием отпила из бокала. «За нас!» – говорил ее взгляд.

Наверное, она заметила, как я глазею на нее с первого ряда. Помощники торопливо уносили тяжелый стол, а она подошла к краю сцены, опустилась на колено и ласково зашептала мне на ухо. А потом встала, единым духом допила вино, подмигнула мне и поклонилась публике под оглушительные аплодисменты.

Дома я сказала маме, что хочу стать волшебницей, как та женщина в серебристом костюме, госпожа Чаровник.

– Берни! – рассмеялась мама. – Волшебства не бывает. Это просто фокус с зеркалами. И не госпожа, а господин. Та женщина – его помощница. А Чаровник – мужчина в костюме и плаще.

Конечно, я видела мужчину в костюме: он вытаскивал из цилиндра кроликов и превращал платки в голубей. Но запомнила-то я женщину. Это она великая. Она приковывала к себе взгляды. Даже когда они оба стояли в лучах софитов, я смотрела только на нее. Она гордо раскинула руки. *Моя работа! Я великолепна.* Она торжествовала и сме-

ло улыбалась богам. Многие женщины замалчивают свои достижения. Многих женщин отодвигают в тень – распиливают пополам, бросают в них ножи. Миг – и они растворяются в воздухе. Ничего особенного тут нет. Тоже мне новость, так и в жизни бывает. Женщины исчезают каждый день.

А госпожа Чаровник меня научила: не надо исчезать. Она показала мне: стоит только захотеть, и лучи софитов будут сиять лишь для тебя, а не для мужчины в костюме, как бы он ни фокусничал с зеркалами и сценическим дымом. Конечно, я это осознала только с годами. А началось все там, в концертном зале Малбри², когда огни рампы сияли в моих глазах, а госпожа Чаровник шептала мне на ухо:

– Милая! Пусть все на тебя смотрят.

² Малбри – вымышленный городок из произведений Джоанн Харрис.

Песня первая: Girls Just Wanna Have Fun³

*Богини мои! Совсем вымотались? Приливы замучили? Пристегиваемся, берем стаканчик смузи, набираем горячую ванну с эфирными маслами. Зажигаем ароматическую свечу. И сияем, сияем, сияем! Вечеринка только началась!
Диди Ля Дус. Менопаузакакаесть. ком*

1

Отрывок из «Выпуска девяносто второго» Кейт Хемсворт
(Опубликовано в «Лайф стори пресс» в 2023 г.)

Когда мы с Берни были детьми, магия казалась проще арифметики. О магии дети не задумываются, а взрослые ее не замечают. Помню, я умела превращаться в пони, кролика, птицу – короче говоря, в кого угодно. Даже в мальчика, если хотелось. Так мне Берни сказала.

Тогда передо мной раскинулся весь мир. Отворились все двери. Безграничные возможности – выбирай не хочу. Теперь я мало помню о том времени. Знаю лишь одно: оно бы-

³ Девчонки просто хотят повеселиться (англ.).

ло на самом деле. И знаю, как навсегда потеряла свою силу и кто ее отнял – как отнимают многие мужчины силу женщин.

Впрочем, не стоит о нем. Ему не место в моем рассказе. Даже имени его писать не стану: он так ничтожен и смешон, что не заслуживает внимания. С другой стороны, из-за него вы и читаете эту историю. Конечно, тот случай ужасен, но ведь он – самая интересная часть. А Берни Ингрэм отнюдь не чудовище. В каком-то смысле она была такой же, как мы... Может, она – та частичка нашей души, что до сих пор верила в волшебство и перемены. Да, она совершила ужасный поступок. И все равно я не в силах ее винить. Признаться, я бы сделала так же. И вы тоже.

Я все прекрасно понимаю. Понимаю, почему выбрали меня. Я самая обыкновенная. Читателям легко мне сопереживать. Все еще более-менее привлекательная – конечно, для пятидесяти одного года. Простая женщина, вроде вашей соседки. Или матери, сестры, жены. Читать про мою жизнь интересно, но завидовать особенно нечему. Я не рохля, хотя и активисткой меня не назовешь, и, уж конечно, я не хочу стать мужчиной – а ведь многие такое желание приписывали бедняжке Берни. И потом, я хорошо ее знала, вот еще одна причина. Я могу рассказать ее историю. Только не ради вас – ради нее. Я перед ней в долгу.

Позвольте представиться. Кейт Хемсворт, мать пятнадцатилетней Сэди и девятнадцатилетнего Бена, жена Лукаса

Хемсворта, закончила школу «Пог-Хилл» в девяносто втором. Родилась здесь, в Малбри, училась в школе «Малберри», потом в «Пог-Хилл», как и Берни Ингрэм. Тогда ее звали Бернадетт Мун, а меня – Кэти Малкин; в детстве мы были лучшими подругами, но под конец начальной школы почти перестали общаться. Уже тогда пошли странности. Уже тогда Берни отличалась от других.

Мы учились в начальной школе «Чейпл-Лейн», в двух шагах от «Малберри». Школа была простая, всего на сотню учеников, но с хорошей репутацией. Почти все потом перешли в частные лицеи: девочки в «Малберри», мальчики – в «Сент-Освальд», школу имени святого Освальда, или в другую школу, имени короля Генриха. Мне там нравилось. Я завела друзей. И под конец учебного года среди них уже не было Бернадетт Мун, девочки с длинными темными косичками и вечно растерянным взглядом. Она вела себя по-детски и постоянно во что-то играла: то скакала по комнате, как пони, то изображала принцессу, то искательницу приключений в джунглях, то героев греческих мифов, то носилась и лаяла, как собачонка. Берни младше меня на восемь месяцев, и с высоты старшинства ее поведение казалось мне дикостью и даже издевательством. Берни сторонились, хотя никто не травил ее и не обзывал – «Чейпл-Лейн» не такая школа. Дети вообще жестоки, а у девочек зоркий глаз на недостатки. Однако на первый взгляд Берни ничем не отличалась от сверстников – ни произношением, ни одеждой,

ни прочими мелочами, которые выделяют детей среди одноклассников. В некотором смысле от этого стало только хуже. Берни была чудачкой *изнутри*, да еще какой... Я тогда и не подозревала.

Хотя если бы не тот день рождения, мы бы ничего не узнали. Берни исполнялось десять, нас обеих ждала «Малберри», более серьезная и солидная школа, где по-детски наивную Бернадетт задразнили бы – ей следовало хорошенько постараться и стать как все.

Судя по всему, ее мама считала так же. Это она придумала устроить праздник. Десятый день рождения Бернадетт как раз совпадал с началом учебного года, и ее мама пригласила весь класс в надежде, что дочь найдет новых друзей. Отчаянный шаг. Я уже тогда понимала: не стоит лезть из кожи вон – так популярности не добьешься.

К тому времени в волшебство я не верила, зато верила в Тойю⁴ и мечтала поскорее стать подростком. Поглядывала на мальчиков, но в душе обожала Адама Анта⁵ и отрабатывала перед зеркалом щегольские танцевальные движения. Мама умилялась, а папа качал головой:

– Она торопится взрослеть. Пусть лучше радуется детству.

Про Бернадетт такого не говорили. Она, похоже, и не думала взрослеть. Но мы учились в одном классе, и вдобавок наши мамы дружили, поэтому мне тоже дали приглашение

⁴ Тойя Уиллкокс – известная британская певица направления новой волны.

⁵ Адам Ант – британский рок-певец, известный яркими образами.

(самодельную открытку с серебряными звездочками). Пришлось согласиться. Захожу я в футболке с блестками и джинсах и вижу: кроме меня гостей всего-то двое – Грейс Оймейд, новенькая из района «Красный город», и Лорелей Джонс, чьи родители владели магазином товаров для праздников, – грустная ирония.

А еще грустнее, что ко дню рождения подготовились от души. Столы ломились от еды: бутербродов, кувшинов с лимонадом, пирожных, мармелада, мороженого. Стоял трехъярусный торт с бело-розовой глазурью на верхушке. Двадцать один мешочек с подарками для гостей, по одному на каждую девочку в классе, и целая гора праздничных колпаков и шариков. Стопка кассет, телевизор с большим экраном, стулья и кресла-мешки по всей гостиной. Цветные гирлянды и зеркальный шар в спальне. Столик для поделок, за которым можно плести браслеты из драже, бумажные фонарики – вдруг засидимся допоздна. Игры: коробка для «Передай посылку», бутылочка для «Правды или действия», твистер. Веселись не хочу. Казалось бы, не день рождения, а мечта. А вышла полная катастрофа.

Хуже всего, что Берни этого не замечала. Открыла мне дверь в пышном платье и с короной на голове; ее глаза так и сияли радостью и надеждой. Счастливее некуда. Моя мама купила ей набор ароматной пудры. Неудачный подарок. Девочки вроде Берни любят «Моего маленького пони». По ним сразу видно.

– У нас представление! Магическое! – Она потащила меня за руку.

– Магическое?

– Ты же помнишь!

На миг и впрямь слабо всколыхнулось нечто из далекого прошлого, когда магия казалась не сложнее арифметики. Потом ощущение испарилось, как слова полузабытой песни, что оставляют после себя только смутную досаду.

– У нас есть вкусности. Ой, весело будет!

Берни всегда так разговаривала. Сплошные восклицания, как у детей в старомодных книжках. Я пошла за ней в гостиную, где Грейс и Лорелей сидели за длинным столом с вкусностями, чипсами и маленькими бутербродами. Посередине стола, к моему удивлению, стояла хрустальная вазочка с жевательными конфетами-«опальчиками», а рядом лежала повязка для глаз. Не слишком-то походило на магическое представление. Берни вынула из-под стола цилиндр и плащ, накинула его поверх нарядного платья и взяла пластмассовую волшебную палочку с серебряной звездочкой на верхушке.

Я немного сникла. Думала, будет настоящий фокусник, как на дне рождения Линды Кайт, а Берни, судя по всему, решила сделать все сама.

– Так в чем суть? – спросила я.

– Это как в «домик» играть, ты же знаешь. Начнем с тебя.

Выбери «опальчик», клади в рот и жуи.

Я уставилась на нее в недоумении.

– В «домик»? Ты о чем? – Я не могла взять в толк, какая связь между этой игрой и фокусами. К тому же «домик» ведь для малышей. Весь вечер играть в Барби, что ли.

Берни нетерпеливо трянула длинными косичками.

– Ну же! Бери конфету. Только не показывай какую.

Пожав плечами, я выбрала клубничную, встала к девочкам спиной, развернула фантик и сунула конфету в рот. До сих пор помню ее сочную сладость. Всегда любила «опальчики». Тогда я ела их в последний раз.

– Теперь повязка. – Берни взяла полоску ткани. – Я сама надену, чтоб ты не жульничала.

Сбитая с толку, я послушалась. Плащ Берни шелестел у меня за спиной.

– Все. Пожуй немного. Давай.

– А теперь что? – спросили девочки, хихикая и перешептываясь.

– А теперь я угадаю, что Кэти выбрала. – Берни многозначительно умолкла. Потом, наверное, взмахнула палочкой и плащом. – Готовы? Она выбрала... клубничную!

Опять смешки и перешептывание.

– Подумаешь. Ты подсмотрела, вот и все. – Я потянулась к повязке.

– Нет, не снимай! Сейчас будет самое интересное!

Шорох, звяканье ножа о тарелку. Я понемногу теряла терпение. Казалось, надо мной втихомолку издеваются. Потом Берни сказала:

– Этот.

– Не-ет, этот! – возразила Лорелей.

– Фи-и!

– Тсс!

– Тише!

Хихиканье. Я опять скорее уловила, чем услышала движение. Берни взяла меня за руку. Я как-то сразу поняла, что это она. А потом...

Не забывайте, мне было десять, детская память устроена иначе. К тому же я три года как близко не общалась с Берни. Выросла с тех пор на целую голову. Даже молочные зубы выпали. Появились новые воспоминания. Я, можно сказать, стала другим человеком.

Контакт. *Вспышка.*

– Абракадабра! – крикнула Берни.

Не знаю, что произошло дальше. Может, я неточно запомнила. Когда Берни прикоснулась ко мне, внутри меня будто что-то перевернулось. Смутно знакомое чувство, словно из навязчивого сна.

– А теперь какой вкус? – глухо спросила Берни с полным ртом. – Подумай. Что у тебя во рту на самом деле, а?

– Клубничный «опальчик». Ерунда какая! – проворчала я. Меня злили смех и повязка, а еще неприятное подозрение, будто со мной не поделились общей шуткой. Я снова потянулась к повязке. – А ты думала, ч...

И вдруг другой вкус грубо вытеснил клубнику. Фрукто-

вая кислинка сменилась на знакомый вкус и текстуру, но так внезапно, что я не смогла их определить. Во рту по-прежнему лежала конфетка, ничего нового туда не клали. А язык ощущал соленое, жирное, непонятное...

Это было вторжение.

Я подавилась и испуганно закашлялась. Начала дергать повязку.

– Нет, не жюльничай! – воскликнула Берни. – Какой вкус?
– Н-не знаю... П-пирог со свиной?

Берни довольно рассмеялась. Остальные тоже, хотя чуть скованно. С меня сняли повязку. В руке Бернадетт держала недоеденный кусок пирога со свиной. «Я ведь только что его ела, – отрешенно подумала я. – Ощущала во рту». Нет, там были лишь остатки «опальчика». Я выплюнула конфету в ладонь. Больше ей не доверяла.

Знаю-знаю. Это сложно объяснить. А вам сложно понять, особенно из уст человека вроде меня. Поверьте, я была не из внушаемых детей. И воображением особым не обладала. Да, уступала давлению сверстников, как и всякая компанейская девочка, которая перешла в новую школу и мечтала стать популярной. Только не в тот раз. Я не просто поддакивала. Да и кому было поддакивать? Берни Мун? Добиваться ее расположения? К чему? Так или иначе, произошедшее я называю Первым Случаем.

Будь я постарше, решила бы, что она меня загипнотизировала или даже подмешала наркотик. Однако в десять лет мне

и в голову такое не пришло бы, пусть я и притворялась искушенной перед друзьями. Осталась одна мысль: «Она умеет внушать. Заставляет чувствовать то, что чувствует сама». Что еще она могла со мной сделать? Напустить головную боль? Заставить описаться? Пожалуй, и то и другое. А может, даже больше... Изумление сменилось яростью. Я швырнула недоеденную конфету в Берни.

– Ты мерзкая!

– Да перестань! – удивилась она. – Ты разве не любишь пирог со свиной?

– Не в этом дело!

– Это же магия! – недоумевала Берни, будто ничего особенного не произошло. – Неужели не помнишь?

– Чего не помню?

Меня охватила дрожь. И снова тускло вспыхнуло знакомое чувство, словно воспоминание осколком стекла хотело вонзиться в сердце.

– Ладно тебе, – вздохнула Берни. – Попробуем еще. Теперь с Лорелей. Ты последняя, ты и выбирай.

– Что «выбери»?

– Какой ей достанется вкус, ясное дело! Такая магия. Ты же знаешь!

Я сверлила ее взглядом. В голове не укладывалось, как Бернадетт Мун могла поменять вкус клубничного «опальчика» на пирог со свиной. Я решила отыгаться за свой испуг.

– Ну ты и чудила! – зло выпалила я. – Понятно, почему никто не пришел на твой дурацкий праздник. Нельзя, что ли, заняться чем-нибудь нормальным?

В глазах Берни мелькнула обида. Огонек восторга померк, затем потемнел. Тут я немного испугалась. Как она ответит? На что способна? В ушах стоял гул, будто на меня ехал поезд, чье-то дыхание обжигало шею, а волосы на руках встали дыбом от первобытного ужаса...

Вдруг с подносом зашла мама Берни и нарочито беззаботным тоном спросила:

– Как дела, девчонки?

Пока мы наливали себе принесенный лимонад, напряжение рассеялось, и Берни опять стала собой – эдакой Уэнздей Аддамс в свадебном платье своей бабули, опьяненная сладостями и праздничной обстановкой. Таинственно-зловещий ореол испарился. Когда я допила лимонад, все снова шло своим чередом, и мне почти удалось себя убедить, что загадочный фокус Берни – лишь плод моего воображения.

Я покосилась на Грейс и Лорелей. Они-то осознали, что произошло? Застенчивая Грейс, похоже, не поняла «фокуса». А вот Лорелей радовалась, что до нее очередь не дошла. Остаток праздника мы с ней смотрели «Маппетов» и перешептывались, пока Берни тщетно старалась увлечь нас чем-нибудь нормальным. Сдавшись, она молча села смотреть фильм, а мы с Лорелей притворялись, будто ее не замечаем.

Временами из кухни заглядывала ее мама и с печальной

улыбкой спрашивала, весело ли нам, хотим ли мы еще лимонада, потом уходила расстроенная, словно одноклассницы отвергли не дочь, а ее саму.

Отца Берни я видела только раз, под конец праздника. Он зашел на кухню, где убиралась мама Бернадетт, и заглянул в гостиную, где мы досматривали фильм. Мама Берни что-то ему сказала, а он ответил:

– Я так и думал. Пустая трата денег, Джин.

Она закрыла дверь, и я уже не могла разобрать слов, но поняла, что мама Берни расстроена, а папа сердит. Мне стало стыдно, а когда мы собрались домой и мама Берни отдала мне весь верхний ярус торта и вдобавок несколько мешочков с подарками, я смутилась еще сильнее.

– Возьми для мамы, ей понравится, – сказала миссис Мун с надеждой в голосе. – И сестренке возьми. Тут маленький набор косметики, а еще наклейки, конфеты и фенечки. – И вновь широкая улыбка, от которой разрывается сердце, столь похожая на улыбку Берни. – Многовато сделала, конечно. Но Берни полезно с тобой дружить. Ты хорошо на нее влияешь.

Пришлось из чувства вины взять мешочки, торт и сверток с бутербродами. Лорелей с Грейс взяли свои, и Берни помахала нам на прощание, звонко крикнула вслед:

– Увидимся в понедельник!

Будто ей невыносимо было с нами расставаться.

Увы, к понедельнику все знали, какой ужасный выдался

праздник. Наверное, Лорелей разболтала. Магическое представление она опустила, но и остального оказалось довольно – за Берни пошла слава чудачки без друзей. Я этой темы избегала – частично из стыда за Берни, частично из опасения, что меня посчитают ненормальной с ней заодно. А если снились непонятные сны из далеких времен, когда магия казалась проще математики, я себя убеждала: таинственная игра на дне рождения Берни тоже просто сон.

В ту пору зародилось, годами ширилось и росло в тишине *нечто*. Сорок лет набирало силу. Нечто звенит разбитым стеклом, пахнет паленой резиной. И начинается как всякая подобная история.

С крови.

Песня вторая: Manchild⁶

*«Беда! Проклятье ждет меня!» –
Воскликнула Шалот.*

Альфред Теннисон. «Волишебница Шалот»⁷

*Все наши истории начинаются с крови.
Из «Живого журнала» Бернадетт Ингрэм
(под никнеймом «Б. И. как на духу1») 26 марта 2022 г.*

1

Из «Живого журнала» Бернадетт Ингрэм (под никнеймом «Б. И. как на духу1»):
26 марта 2022 г.

Музыку, гремевшую в ушах, перекрыл мужской голос. Я постаралась не обращать внимания. Страшно не было, хотя от незнакомца исходил жар враждебности. Я перешла на бег. Поздно. Он вырвал из моих ушей наушники. Стиснул плечо. Почему-то я не боялась, хотя следовало бы. Может, из-за дребезжащих в ночи аккордов Manchild. Мне всегда

⁶ В душе дитя (англ.).

⁷ Перевод К. Д. Бальмонта.

правилась эта песня. Мартин надо мной посмеивался. К хип-хопу он равнодушен. Кейт Буш – вот кто ему по вкусу. И другая Кейт, которая до сих пор живет в его паролях.

А ну смотри на меня, тварь! Смотри на меня, я сказал!

Некоторые сны явственнее самой яви. Сегодняшний сон оторвал меня от Мартина, от воспоминаний о нем и Кейт и швырнул в параллельный мир, где я превратилась в другую женщину: она одна, в ужасной опасности, и уговаривает саму себя, что это сон, такого просто не может быть...

Женщина вспоминает гостиную в своем доме. Картины в пастельных тонах на стене. Серо-бежевое покрывало на диване. Разноцветные корешки книг в шкафу. Своих детей: Мэдди и Сэма. Они улыбаются с фотографий на каминной полке. Румяные, веселые.

Ничего плохого со мной не случится. Это мой мир. Здесь я в безопасности.

Она ошибается.

Рука все еще там. Чужая рука у меня на плече. Слышу голос, громкий и незнакомый. От мужчины веет враждебностью. *Я с тобой разговариваю. Смотри на меня! Смотри на меня, я сказал!*

Пытаюсь обернуться. Вторая рука незнакомца сжалась на горле. Слишком поздно; хочу закричать или просто глотнуть воздуха. Он подступает ближе. Смрад его ярости невыносим. Удушье, стиснутое горло и мысль: «Не может быть. Я ведь собиралась испечь пиццу, почитать детям, поле-

жать в горячей ванне с лавандовым маслом, оно помогает от стресса, как же так, не убивай, мне нечем дышать...»

Потом все ускользает, как нырнувший в тоннель поезд, и остается только путаное, на грани сна и яви воспоминание о тьме, холодном ночном небе, запахе влажной мягкой земли, призрачном отзвуке аккордов, звучащих в небытии. А потом я умерла. Шли мгновения, руки незнакомца стискивали мое горло, и даже после смерти я почему-то чувствовала сырую землю, хриплое и медленное дыхание, запах разложения. Казалось, прошла вечность.

Это называется «сонный паралич». С начала менопаузы он у меня бывал раз шесть. Говорят, обычное явление, хотя от этого не легче. Страшно так, будто тебя хоронят живо в подвале дома с привидениями – давно заброшенном, полном призраков прошлой жизни. Обыкновенно паралич длится всего несколько секунд. Сегодня же он показался вечностью; я лежала во тьме и прислушивалась к шагам живых над головой. Ведь в смерти худшее то, что другие продолжают жить. Солнце светит как прежде. Идут годы. Люди встречаются и расстаются. А для тебя нет места. Для тебя все кончено. Твоя жизнь – краткая, яркая вспышка, которую ни понять, ни разглядеть хорошенько не успеваешь перед тем, как погаснет, – пролетела.

Глаза открыть не получилось, я ведь умерла. Холодные простыни. Сырая земля. «Сейчас он меня похоронит», – подумала я, запутавшись, которой из двух женщин я была. Со-

бой? Или той, что неумолимо остывала на земле? Хотелось кричать, но у мертвых нет голоса...

Наконец я проснулась. Утренний свет пробивался сквозь шторы. Шторы моей спальни, темно-синие, с узором из серебристых звездочек. Моя спальня, привычные безделушки и фотографии. Мой дом и мой мужчина под боком. Мой, а не ее.

Влажная простыня липла к телу. Хлопковая сорочка была мокрая, хоть выжимай. Сначала пахло землей, тем страшным домом, застоявшейся водой, а потом отвратительной вонью мясной лавки – сырым мясом и медными монетками. «Просто сон, – подумала я. – Слава богу! Слава богу, я еще жива!» Вот только кровь... Кровь, пропитавшая матрас, была настоящая.

Часы показывали четверть седьмого.

Хорошенькое начало выходных!

Осторожно перекатившись на бок, я отлипла от кровати. Звук получился такой, будто пластырь срывают.

– Берни, хорош, – пробормотал Мартин, потянув одеяло на себя.

Мартин любит поспать подольше, особенно по выходным. Обычно я стараюсь его не будить, когда встаю на работу.

Я поднялась. Перед сорочки потемнел от крови, как фартук мясника, по ноге на ковер потекла струйка.

– Мать честная! – Муж вскочил, будто электрошокером ударили. – Ни хрена себе! Берни, что стряслось?

Я пожалала плечами.

– Эти твои дела вроде закончились, нет?

«Эти твои дела». Наверное, подразумевалось то, что мама называла «проклятьем». Но в целом он прав. Вот уже полгода, как у меня прекратилась менструация. Я понимала, что это значит. Матерью больше не стать, превращаемся в старую каргу. Вдобавок начались безумные перепады температуры, тяга к определенной еде, ночная потливость, внезапные приступы усталости, а теперь еще жуткие кошмары и сонный паралич. Хоть кровь закончилась, думала я. Видимо, ошиблась.

– Ну и ну, Берни. – Муж поморщился. – Здесь как маньяк побывал. Пойду вымоюсь.

Мартин принимает душ два раза в день, иногда по двадцать минут, а то и больше. Говорит, это помогает успокоиться. На самом деле он человек раздражительный.

Мартин захватил одежду и был таков, а я осталась убирать постель. Кровь даже просочилась на матрас, оставив пятно, похожее на точку с запятой.

«Не смоеется уже», – подумала я. Незачем мучиться. Оттирай не оттирай, отбеливай не отбеливай, а девственно-чистым ему не бывать.

Черт!

Переверну матрас, и все. Мартин даже не заметит. Он никогда не заправляет кровать. Так мы распределили обязанности. Я слежу за садом и домом, а Мартин – за гаражом

и машиной. Я решаю, что приготовить, а он ответственный за пульт. Я заправляю постель, меняю простыни и, при крайней необходимости, переворачиваю матрас.

Потаскушка бессовестная, – прошипел голос где-то на задворках сознания. Голос моего внутреннего критика. У некоторых женщин есть внутренние богини, ну а у меня – критик, иногда говорящий маминым голосом. «Порядочные девочки так не делают, – как-то раз сказала она. – Халтурят только всякие потаскушки». Почему-то женскую распушенность всегда связывают с беспорядком в доме, будто если любишь секс, то к пылесосу не прикоснешься. По правде говоря, я и от первого, и от второго не в восторге. Всего-навсего домашние обязанности. Впрочем, Мартин в этом плане не слишком требователен. Лишь бы полы были чистые, а без секса можно и обойтись. Раньше я думала, что у него роман на стороне. Сейчас сомневаюсь. Просто он от природы очень-очень напряженный.

Помню, как мы познакомились, еще подростками. Мы считали себя особенной парой. Всем хотели делиться друг с другом. Коснувшись его губ, я словно заглянула ему в душу. В каждом жесте и поступке таился смысл. Каждая песня посвящалась только нам двоим. Мы узнавали себя в героях фильмов. Мечтали, как вместе состаримся, подбирали имена будущим детям. Хотели слиться воедино, как Салмакида и Гермафродит. Всему виной гормоны. Всплеск удовольствия. Мощь. И кровь. Любовь – сложная смесь дофамина

и окситоцина, вырабатываемых в гипоталамусе и поступающих в кровь через гипофиз. Вот и вся магия. Фокус матушки-природы.

Теперь дофамин я получаю из соцсетей. Медицинский сайт, на который я частенько захоживаю, утверждает: «Социальные сети подражают человеческому общению, а *«лайки»* и комментарии приводят к выбросу дофамина».

Наверное, так и есть. Я всегда начинаю день с соцсетей – нормальный день, не как сегодня. Лежа в кровати, включаю телефон, захожу в интернет и проверяю, чем заняты друзья. Конечно, это не настоящая дружба, но химические рецепторы у меня в мозгу все равно реагируют на их фотографии.

Мартин хлопнул дверцей душевой кабинки. Я дождалась его, потом сама вымылась (хотя горячей воды он почти не оставил) и поискала взглядом тампоны. В шкафчике над машинкой завалились две упаковки прокладок «макси», но первая же штука пугающе быстро промокла. Приклеивая ее, я краем глаза заметила себя в зеркале и вздрогнула. Зачем вообще в ваннных зеркала?

Почти пробило семь. Поздно возвращаться в постель. Мне в последнее время плохо спится, а по субботам я вообще работаю. Мартин ушел досыпать в гостевую комнату, там всегда заправлена кровать – вдруг Данте заглянет домой? Я положила простыни в стирку, заварила чай, сделала упражнения Кегеля и загууглила «кровотечение и менопауза».

Интернет выдает на «менопаузу» примерно восемьдесят миллионов результатов, включая медицинские сайты, блоги, статьи, научные работы и наконец сайт под названием «Менопауза как есть», который ведет недостижимо стройная и симпатичная американская блогерша Диди Ля Дус. В основном там «лайфхаки», как она это называет, а еще ее фотографии в разных сказочных местах, и под каждой мантра, призванная помочь женщинам «жить лучшей жизнью».

На тему кровотечений Диди пишет следующее:

«Привет, богини мои! Если красный кардинал вдруг постучится в гости, не забывайте налегать на железо! Кстати, хорошая новость: в дольке темного шоколада железа столько же, сколько в целой тарелке шпината!»

Медицинский сайт посдержаннее сообщает:

«Иногда во время перименопаузы возникают эпизодические кровотечения, а их интенсивность и продолжительность могут увеличиться. Такие резкие перемены часто тревожат женщин и наводят на мысль, что в организме что-то нарушено».

Слабо сказано. Благодаря гуглу я знаю все о явлении, которое моя мать – у нее на все находится словечко – зловеще называет «превращением». Со мной она его не обсуждала, да и к месячным (у нее они зовутся «проклятием») как следует меня не подготовила. Я узнала о них от миссис Хардинг, моей учительницы по биологии. Она мимоходом коснулась симптомов – боли, перепадов настроения, гормонов – и пе-

решла к смыслу этой перемены – смыслу, который каждые двадцать восемь дней заявляет о себе кровью.

Каждый месяц до самой менопаузы ваш организм готовится к беременности.

Мне тогда вспомнилось, как мы каждую неделю прибирались в гостевой – вдруг кто-нибудь заглянет? Никто не заглядывал. За все мое детство в ней ночевали всего несколько раз. Тем не менее мама упорно меняла постельное белье и проветривала комнату, подготавливая к приезду возможного гостя. Для того гостевая и нужна. Вот и мое тело, объясняла я себе, каждый месяц готовится к беременности, но комната пустует, и телу остается в ней только убираться.

Конечно, когда я забеременела Данте, все изменилось. Гостевая вдруг исполнила свое предназначение. Наши с Мартином планы вместе поступить в университет – ему на торговлю, мне на факультет литературы – в одночасье рухнули. Вместо учебы мы поженились в восемнадцать, и я осталась в родительском доме заботиться о сыне, пока Мартин один уехал в Лидс воплощать свои замыслы. Несмотря на мой позор и мамино разочарование, гостевую наконец-то заняли. В ней появился смысл. Моя мать всегда мечтала о сыне. И мой сын был ей наградой за позор, который я на нее навлекла. Уж поверьте, она ясно дала мне понять, что мать из меня посредственная.

– Хватит с ним сюсюкаться, – говорила она. – Смотри, вырастет нюней.

Она взяла на себя его воспитание, сама его кормила и укладывала, сократила его «вычурное» имя до Дэна, поэтому к трем годам, когда мы уехали из Малбри, он очень к ней привязался и ревел всю дорогу.

Теперь детская Данте превратилась в гостевую. В последний раз он приезжал три года назад, на Рождество. С тех пор я каждую неделю перестилаю постель, проветриваю простыни и ставлю в вазу свежие цветы. Должно быть, такова жизнь каждой матери. Почти все твои труды напрасны.

В тринадцать, конечно, никто мне этого не объяснил. Миссис Хардинг нас будто в олимпийские чемпионки готовила:

– Девочки, вы становитесь девушками. А значит, готовитесь к беременности.

Я гадала, кем тогда становится женщина в менопаузу. Миссис Хардинг не стала особенно углубляться в эту тему. Менопауза – конец жизни, конец женской фертильности. И когда в тот ужасный день соревнований начались мои первые месячные, меня пронзила тошнотворная мысль: так будет год за годом, без перерыва, *покуда я не состарюсь и не стану бесполезной...*

Конечно, в душе я еще молода. Не чувствую себя на почти пятьдесят. Хотя Диди Ля Дус и описывает пятидесятилетие как парк развлечений, где сплошной великолепный секс, кашемировые покрывала, зимние круизы по Нилу и домашние халатики в пастельных тонах, которые даже в химчистку но-

свить не надо, в глубине души я до сих пор десятилетняя девочка, не желающая взрослеть.

Я сварила кофе и проверила телефон. Социальные сети и правда хорошая вещь. Они для меня то же, что для волшебницы Шалот – зеркало. Через них я смотрю на мир, ведь так безопаснее. У меня много интернет-друзей, всегда готовых поддержать. К тому же я могу незаметно следить за теми, кого люблю.

Прежде всего за профилем Мартина в «Фейсбуке»⁸. Там он умен, дружелюбен и остроумен. Конечно, он и в жизни таким бывает, но в интернете он раскованнее, дружелюбнее, остроумнее, ближе. «Фейсбук» похож на гостиную, тщательно прибранную к приходу гостей. В нем нет места злости, грубости, безразличию. Там всегда есть что-нибудь новенькое: то разговор, то шутка. Там есть истории, фотографии кошек, теплые слова со всех уголков света. Там Мартин всегда обаятелен, внимателен, участлив. Как Диди, Мартин показывает себя в интернете с лучшей стороны – веселым и улыбчивым.

Я заглянула в его личные сообщения. Он и не догадывается, что я так делаю, как и не догадывается заглянуть под матрас. По правде говоря, в сообщениях мужа редко встречается что-нибудь подозрительное. Но я все равно проверяю – так, на всякий случай. И пароль знаю – «КэтиДевушкаМеч-

⁸ Facebook – проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена (здесь и далее по тексту).

ты». Его Мартин тоже считает личным.

Сегодня никаких сообщений. Приглашение на Пасху для Дэна. Ссора двух его коллег. Политический мультфильм. Смешная картинка с котами. Селфи с известным писателем на работе. Ничего подозрительного. Ничего необычного. Разве что приглашение от друга Мартина, Лукаса Хемсворта.

Вечер встречи выпускников! «Пог-Хилл», выпуск девяносто второго!

4 июля, 7:30, «Пог-Хилл», Малбри.

Музыка девяностых, коктейли и многое другое!

Мартин уже согласился пойти. Это понятно, они с Лукасом всегда дружили. Еще девятнадцать человек приняли приглашение. Линда Кайт, Лорелей Джонс, другие знакомые имена. Естественно, Лукас, а с ним Кэти. Теперь она Кэти Хемсворт. Интересно, что в них изменилось? Как они меня вспоминают – с теплом или с неприязнью? Что сулит возвращение в «Пог-Хилл»? Пробудит ли оно призраков прошлого или, наоборот, отправит их на покой? И что мне надеть?

Кто-то выложил фотографии в альбом «Выпуск 1992-го». Большинство из них с выпускного. Вот Мартин, такой юный, что даже не верится; вот Лукас, Кэти, школьная группа. Конечно, меня на снимках нет, я держалась в стороне. А, нет, вот я! Не лучшая фотография. Наверное, сделали уже под конец вечера. Волосы уныло повисли, спина сутулая – а все-таки, с запозданием понимаю я, на то время пришелся

пик моей красоты. Да уж, грустный возраст – семнадцать лет. Сплошная неуверенность и ненависть к себе. Только и мечтаешь о гладкой коже, груди покрупче и ногах постройнее. Так благодарна за любовь, что готова ради парня на все. Сексом занимаешься не для удовольствия, а для самоутверждения. Чтобы узнать, каково это – иметь такую власть. Вызывать такой отклик. Интересно, каково тем, кто до сих пор так может? Понимала ли Кэти Малкин, какой обладала властью?

Я сварила еще кофе и потягивала напиток, просматривая профиль Данте в «Инстаграме»⁹. В основном он публикует фото еды. Видимо, любит техасско-мексиканскую кухню, пиццу и жареные закуски с сыром. Вчера он ходил с друзьями в бар. Ни одного знакомого лица, но вроде бы сын счастлив.

Диди Ля Дус так говорит о хандре в менопаузу:

«Красотки мои! Взгрустнулось? А вы знали, что во время тренировки вырабатываются те же гормоны радости, что и во время секса? Прогуляйтесь в парке! Или останьтесь в теплой кровати и прогоните грусть старым добрым способом!»

Эх, Диди! И думать нечего. После того кошмара мне и вспоминать о парке страшно. Сырая земля, гнилостный дух давно опавших листьев, шум дороги, приглушенный листвой... Некоторые сны столь подробны, что врезаются в память. Вот и мой из той же оперы: не сон, а смутное вос-

⁹ Instagram – проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена (здесь и далее по тексту).

поминание.

Я зашла в «Твиттер». Все новости я узнаю здесь. Мартин по старинке покупает газеты, я же пробавляюсь твитами. Сижу под именем @бернимун и нечасто общаюсь с людьми, разве что под рабочим аккаунтом @КафкаКотикИзКнижного. Моя начальница Салена тоже ведет эту страничку, поэтому я стараюсь не писать ничего личного. В «Актуальном» мой взгляд тут же цепляет заголовок: «Мать двоих детей из Финчли убита после пробежки в парке». Обычно я сразу пролистываю такие посты. Не для того захожу в интернет, чтобы упиваться плохими новостями, их и так слишком много. Однако сегодня я нажала на публикацию. По двум причинам. Во-первых, я живу в двух улицах от парка, где эту женщину убили. А во-вторых, я ее узнала: она покупала у меня книгу всего недели полторы назад.

К подмышкам подступила жаркая волна прилива. Хватит пить кофе, сказала я себе. Черт, но он мне так нравится! Сегодня не помешает заряд бодрости, поэтому без кофеина не обойтись.

Я нажала на фото. Да, это она. Джо Перри. Тридцать лет. Мышиного цвета волосы – впрочем, ей вполне шло. Джинсовый комбинезон, босоножки на платформе, слегка усталый вид. Она попросила легкую книгу, чтобы отвлечься от забот. «Какую-нибудь женскую». Я предложила «Сто тысяч королевств» Н. К. Джемисин¹⁰. На следующий день она верну-

¹⁰ Нора К. Джемисин – американская писательница в жанре фэнтези.

лась докупить остальные части трилогии. Было это в прошлый вторник. Надо было дать ей книгу покороче...

Жаркая волна обдала лицо, оставив в складках шеи бисеринки пота. Я не успела накраситься и чувствовала себя отвратно. Впрочем, я вообще мало крашусь. Мама считает яркий макияж вызывающим, да и Мартин сказал, что я похожа на клоуна, когда в последний раз увидел меня с новой помадой, а не привычной бледно-розовой. А теперь и стараться незачем. Все равно меня никто не замечает.

Я пролиستала новость. Очень короткую. В семь вечера Джо пошла на пилатес в местный спортзал. Потом решила пробежаться по парку. В шесть утра ее тело обнаружил такой же любитель побегать. На Джо были легинсы бодренькой малиновой расцветки, а еще серая толстовка с надписью: «Упертая феминистка».

Наверное, надпись и привлекла внимание убийцы. Шутка, безобидная днем, приобретает зловещий смысл ночью. И потом, в чем-то же и Джо виновата. Неправильно оделась или повела себя или вообще зря пришла в парк на ночь глядя. «Убита после пробежки»... Будто пробежка сама по себе занятие опасное.

Я редко смотрю комментарии, но в этот раз не смогла удержаться.

@goonr1966: Нечего было гулять по ночам.

@бегуньягильда1975: Я всегда бегаю с другом. Здравый смысл, вот и все.

@уайти2947: Зачем она надела такую толстовку? Будто не знала, что людей такое бесит.

Вы кое-что забыли, @уайти2947. Джо Перри все-таки жертва. Виноват тот, кто отнял у нее жизнь. Убийство – не простая случайность. Нормальный человек не станет убивать просто потому, что выпала удачная возможность. Однако некоторые комментарии утверждают обратное: мы живем в мире, где женщины – попросту добыча, на которую каждый имеет право. Вроде монеток на асфальте. Подбирай, если хочешь, они ведь ничейные.

Так и представляю его. Белый мужчина средних лет, располневший годам к сорока. Спортивные штаны, куртка, кроссовки – в такой одежде легко слиться с обстановкой, тем более одному и вечером. Пахнет от него потом и дезодорантом «Линкс», лицо скрыто в тени. Он преграждает Джо путь, ей приходится отойти к краю. Она отворачивается, он злится... Почти слышу его голос.

А ну смотри на меня, тварь!

Теперь меня обдаёт дождем искр. Они покалывают кожу, как электроды, пропускающие пульсирующий ток. Надо выпить воды. Обычно она помогает даже в худших случаях. Только я почему-то не могу пошевелиться или хоть как-то отозваться на всплеск непривычных ощущений.

Смотри на меня, я сказал!

Любопытно. Некоторые сны так явственны, что похожи на воспоминания. Тот кошмар, например. Запах сырой зем-

ли, огни улицы, успокаивающие аккорды музыки из наушников. *Не обращай внимания. Он просто хмырь. Забей, беги себе и беги.* Происходящее казалось Джо и обыденным, и совершенно диким. Незнакомец в спортивных штанах. Запах дождя и «Линкса». Песня из плейлиста, которой она создала на прошлой неделе: в основном электронная музыка девяностых и немножко бодренького хип-хопа. *Кто ж умирает под такую музыку? Да еще на дурацкой пробежке?*

Пролистываю комментарии, пока в памяти всплывают обрывки сна.

@уайти2947: *Ужасный случай, но что она забыла в парке вечером?*

@радфем_Бонни95: *Она просто бегала.*

@ДжимИзКачалкиб9: *Видать, не слишком быстро *смеющийся эмодзи**

@радфем_Бонни95: *не смешно, придурок*

@ДжимИзКачалкиб9: *да ладно, шуток не понимаешь? *пожимает плечами**

@бернимун: *она же человек, а не анекдот*

@ДжимИзКачалкиб9: *если не видишь разницы между шуткой и убийством, проблема в тебе, крошка*

@бернимун:

Очередной прилив жара, но теперь я понимаю, что это на самом деле. В женской ярости есть нечто древнее, первобытное. В мужской больше физического, а женская рождена из столетий жестокости. Она пронизывает культуры. Она

пронизывает расы. Вековечная, голодная, темная, не знающая своей силы. Пока. Но направь ее в нужное русло – и она превратит взрослых мужчин в хнычущих мальчишек. Я своими глазами видела. Давным-давно, а помню хорошо, как сегодня. В этом воспоминании таится ужасная опасность; оно – словно бомба, заложенная в основании дома с времен позабытой, невысказанной войны; теперь эту бомбу вытащили на свет божий, всю ржавую, зловещую, полную ужасной мощи...

Джо, учительница начальных классов, покинула скорбящего супруга Дэвида, с которым прожила девять лет, и двоих маленьких детей, Мэдди и Сэма.

Фотографии в доме с привидениями. Отражения на экране ноутбука. Ночь, в зеркале заднего вида что-то мелькнуло... Запах опавшей листвы, гул машин. Вой сирены. Одно из многих воспоминаний, засунутых в коробку на полке.

Вот оно.

Он задушил ее со спины. Теперь я знаю. Это совсем недолго, если умеючи. Так или иначе, через полминуты Джо Перри потеряла сознание. Он не отпускал еще пять минут, на всякий случай. Ему нравилось лежать на ней, жадно зарыв лицо в ее волосы. Я знаю это наверняка, будто видела своими глазами. Откуда?.. А еще знаю, что сегодняшняя ночь – и кровь – были неслучайны. Знаю, что в тот вечер Джо Перри хотела приготовить пиццу. Что ее детей зовут Мэдди и Сэм. Что перед погружением во тьму она слышала Manchild Нене

Суббота, 26 марта

Приобретенные в детстве рефлексy остаются с нами навсегда. Мы вздрагиваем от определенных звуков или движений. А если набезобразничали, с тоскливой тревогой ждем нагоняя. Мечтаем заполнить внутреннюю пустоту хоть чем-нибудь – едой, соцсетями, любовью, – чем угодно, лишь бы умилоствиты бездонный омут. И слышим давно привычный рефрен жалоб, упреков и предостережений:

Плохая! Плохая! Ты же обещала, что больше так не будешь!

С воспоминанием приходят запахи опавшей листвы, влажной травы и дождя, а еще чего-то неожиданно сладкого. Клубничного ароматизатора.

Абракадабра!

Нет, только не снова. Ты же обещала, что больше так не будешь. Его руки. Руки все в порезах. Больше никогда. Больше никогда.

Когда я ушла, Мартин еще спал. Я подумывала притвориться больной и взять отгул. Тянуло живот, навалилась усталость, да еще голова разболелась. Кроме того, убийство женщины совсем неподалеку – не говоря уже о пугающе

подробном сне – выбило меня из колеи. Но по субботам в «Книжном Салены» полно дел; болезнь или не болезнь, не сваливать же всю работу на подругу.

На самом деле мы с Саленой не слишком близки, хотя с ней, пожалуй, я разговариваю чаще всего. Ей тридцать, живет она с родителями и занимается их книжным магазином. Выходит, формально она моя начальница, но я не чувствую себя подчиненной. Может, благодаря ее молодости – они с Данте почти ровесники. Мартин считает, что в денежном плане ее дело не слишком устойчиво, но, опять-таки, его отрасль издательского дела построена по другому принципу. Издательство «Лайф стори пресс» всегда подчеркивает: оно не требует с писателей денег за выпуск произведений; зато авторы платят пять-десять тысяч фунтов за услуги издательства. «Лайф стори пресс» часто рекламирует свои книги в журналах «Сага» и «Олди»¹¹ и выпускает в основном мемуары и детские книги с иллюстрациями. Салена их не продает, поэтому Мартин обижается. И все же мне по душе моя работа. До магазина всего двадцать минут пешком, вдобавок там я могу общаться с людьми. Поэтому я выпила две таблетки парацетамола и без четверти девять отправилась на работу, надеясь, что свежий воздух прояснит голову и поможет забыть ужасное начало дня.

Зря надеялась. Только полпути прошла, как меня снова

¹¹ «Сага» (*англ.* Saga) и «Олди» (*англ.* The Oldie) – британские журналы, нацеленные на читателей пятидесяти лет и старше.

обдало жаром. Сама виновата, не стоило пропускать завтрак. Я как раз проходила мимо ворот в парк, где убили Джо, – сегодня их заперли и обклеили черно-желтой сигнальной лентой. Может, потому и начался прилив: я вспомнила об убийстве совсем неподалеку от дома, в парке, где малышом играл Данте. Накатила внезапная слабость, дрожь, чуть ли не слезы на глаза навернулись, а пульс бешено забился; я совсем обессилела.

Его руки. Порезы у него на руках.

Запах клубники чуть не сбил меня с ног. Не только запах, но и вкус... Когда долго отказываешься от пищи, впадаешь в катаболическое состояние, и организм использует энергию, накопленную в жировых клетках. В них же хранится и вкус. Вот сегодня мне вдруг вспомнился далекий вкус из детства.

Абракадабра! Она выбрала клубничную!

Не может быть. Я просто не завтракала, вот и все. Во время менопаузы сахар в крови постоянно скачет. Диди Ля Дус советует весь день придерживаться низкоуглеводной диеты: горсточка соевых бобов эдамаме или хотя бы кабачковый брауни.

На другой стороне улицы как раз стояло кафе «Буфетная Присциллы». Я зашла туда и оглядела выпечку на витрине. Ничего похожего на диету Диди Ля Дус.

Осторожнее, не растолстей! – предостерег голос внутреннего критика.

А чей он вообще, этот голос? С самого детства он ехидно

твердит: я слишком страшная, слишком ленивая, слишком толстая. Но слишком толстая для чего?.. Для того чтобы меня любили? Чтобы вообще жить? Чтобы на меня обратили внимание? А может, все как раз наоборот? Может, я боюсь привлечь внимание, отнять его у тех, кто его больше заслуживает?

Передо мной задумчиво выбирал пирожное покупатель. Крупный мужчина в майке, держащийся со спокойствием человека, которого учили просто лакомиться пирожными, а не пытаться их заслужить. Он или не заметил меня, или ничуть не волновался, что меня задерживает. Конечно, я к этому давно привыкла. Когда мне стукнуло сорок, для мужчин я превратилась в невидимку.

Он никак не мог выбрать между кусочком кофейного торта и пончиком. В итоге взял и то и другое и вдобавок карамельный латте. За кассой его обслужила девушка с розовыми волосами, а еще одна, в хиджабе, налила кофе. Зашипел пар, запахло свежемолотыми зернами. Мне тоже хотелось, но увы, мечтать не вредно. Кофеин – плохой союзник в борьбе с приливами.

– Проголодались, дружок? Вот и хорошо! – Розоволосая девушка с улыбкой похвалила покупателя, будто ребенка.

Странно, до чего часто мужчин, как малых детей, хвалят за повседневные мелочи. Помыл посуду? Посидел с детьми? Выбрал кусочек торта? Молодец! Сомневаюсь, что продавщица сказала бы то же мне, будь я на месте этого мужчины.

Может, она даже недоуменно приподняла бы бровь: заметно, что с Рождества я набрала килограмма три.

«Менопауза как есть» вот что говорит о наборе веса: «Понимаю, грустно признавать, что никогда уже не влезешь в джинсы восьмого¹² размера. Но не расстраивайтесь, красавицы мои! Вы в любом размере прекрасны! Гордитесь своими изгибами! Радуйтесь своей сексуальности! Уж ваши мужчины точно порадуются!»

Судя по всему, Диди Ля Дус лишний вес незнаком. Если ее тревожат джинсы восьмого размера, то на деле ей тревожиться вовсе и не о чем. Как, наверное, от нее устают друзья! От ее вечных восклицаний. От ее травяного чая и гранатовых салатов. От бездельничанья у бассейна. От секса и йоги.

Наконец я заказала простой черный чай и диетический маффин. Слава богу, прилив отступил, хотя рубашка так и липла к телу. Поясница покрылась испариной. Еще до работы не дошла, а уже пора в душ.

– Вам здесь или с собой?

– Здесь, пожалуйста.

Девушка с дежурной улыбкой пробила мой заказ. С виду года двадцать два; уныло опущенные уголки губ, одна бровь проколота. На бейджике написано: «АЙРИС». Наши пальцы на миг соприкоснулись, когда она протянула мне сдачу, и меня внезапно ударило током, как тех людей, которые сочиня-

¹² Английский восьмой размер примерно соответствует сорок второму российскому.

ют, что зубами умеют ловить радиосигналы. На миг я словно увидела собственное отражение в окне – кислую, недружелюбную женщину в возрасте.

Строит из себя. Даже поздороваться не удосужилась.

Мне показалось, девушка произнесла это вслух.

– Простите, что?

– Ничего, – неуверенно ответила продавщица. Мы встретились взглядами. Безразличие в ее глазах сменилось тревогой. Наверное, все женщины разрываются между двумя крайностями: мы то совершенно невидимы, то вдруг оказываемся под прицелом чужих взглядов, словно мир видит нас через необъятную лупу, и ты либо сгораешь дотла, либо расплываешься до полной незаметности. Меня охватило внезапное горячее сочувствие к Айрис, недовольной жизнью, маленькой зарплатой и безразличием окружающих.

Растрогавшись, я с улыбкой сказала:

– Айрис, у вас красивые волосы.

Снова недоверчивый взгляд. Только улыбка на сей раз оказалась искренней.

– Спасибо! Сделала себе подарок.

– И правильно. Вам идет.

Я взяла маффин с чаем и пошла к столику у окна, по пути случайно задев рукой того мужчину с кофейным тортом. Он сидел ко мне спиной; спортивная майка открывала накачанные, пусть и полноватые руки. «Что это было?» – недоумевала я. Рядом с Айрис я словно увидела, как в чужом доме

внезапно зажегся свет, и услышала голоса жильцов. Теперь это чувство исчезло. В чем же причина? В голове помутилось? Сахар упал? Или чего похуже?

Ты прочла ее мысли, Берни.

Неправда! Случайно вышло.

Ты же знаешь, чем это заканчивается. Помнишь? Вспомни его дом. Подвал. Вспомни, как он вздрагивал, когда ты проходила мимо. Вспомни, в каком виде был его дом, а стены... И порезы. Порезы у него на руках.

Медицинский сайт пишет о гормональных изменениях во время менопаузы следующее: «Из-за гормональных скачков многие женщины слишком бурно реагируют на события, которые прежде их не тревожили. Помимо физических изменений вас может беспокоить “синдром опустевшего гнезда”, стареющие родители, горе потери, супружеская неверность и в целом сожаления о прошлом».

А «Менопауза как есть» говорит иначе: «Красавицы мои! Замучили приливы и стресс? Ищите положительные стороны: вас ждет очуме-е-енно жаркое лето!»

Диди и медицинский сайт по-своему советуют женщинам сбросить вес, налегать на зерновые, запастись антиоксидантами, чтобы стареть помедленнее; при любой возможности выбирать не лифт, а лестницу, разобрать хлам в доме, подумать о приеме антидепрессантов и не забывать уделять время себе – посидеть с хорошей книжкой, понежиться в горячей ванне, найти новое хобби. А еще отмечают: нужно уде-

лять внимание партнеру и записывать дела на бумажку, чтобы не забыть. Однако ни один сайт не помогает женщинам определить, вправду они умеют читать мысли или нет. Считается, что суть гормонов не в этом. Гормоны – и виновники серьезнейших перемен, и повод для насмешки, как и подверженные их влиянию женщины, «истеричные» и «непостоянные».

Я откусила от маффина. Он оказался сухим и пресным. Надо было купить пончик. Если уж потреблять лишние калории, то хоть вкусные. Мужчина в майке ел свой пончик. Очень аппетитный. Я почти чувствовала на языке сливки, мягкое тесто и сладкий клубничный джем.

Хорошие девочки пончиков не едят, – напомнил мой внутренний критик. Мог бы не утруждаться. Вдруг воображение нарисовало, как я все-таки съедаю лакомство, живу лучшей жизнью, горжусь своими изгибами и плюю на мнение окружающих. Видимые женщины гордятся изгибами. А невидимые крадут твой пончик.

Я закрыла глаза. Ощутила его вкус. Джем оказался смородиновым, а не клубничным. Губы и пальцы запачкались сахарной пудрой. Как наяву. Будто я и правда откусила кусочек. И вновь в темном доме вспыхнул свет, а в окне показались его обитатели. Мужчина с пончиком. Розововолосая девушка.

Я бы ей вдул, – произнес некий внутренний голос. – Видно, что девчонка без комплексов.

Чего?

Я невольно подняла руку ко рту – стряхнуть сахарную пудру. А монолог – уже не моего внутреннего критика – становился все настойчивее.

Я ей тоже нравлюсь. Она назвала меня дружком. Когда у нее кончается смена? Сегодня надо поосторожнее. Держи себя в руках. Не как в прошлый раз. Ты был сам не свой.

Конечно, звучало это не так четко и ясно. Я лишь облекаю мысли в слова. Зато сами чувства и намерение были столь реальны, столь ощутимы, словно я выпустила из коробки стайку мотыльков. Я в одночасье перенеслась из улицы в сам «дом», одурманенная впечатлениями. Реакция мужчины на Айрис (вторую девушку он почти не заметил). Запах его карамельного латте. Уверенная манера держаться. Физическое удовольствие от вкуса пончика, от...

Тебе нравится, правда, Берни? Приятно ведь. Потому что нельзя.

Я снова потянулась стряхнуть сахар с губ. Вкус смородинового джема еще не померк. Теперь в воздухе витал запах «Линкса» и застарелого пота; я чувствовала шершавые, липкие от сахара и сливок ладони, потом мужчина в один присест проглотил пончик, и я уловила слабое недоумение; он резко обернулся и уставился на меня, будто я ткнула его в спину пальцем.

Я опустила глаза на тарелку и притворилась, что доливаю чай. Иллюзия рассеялась (только это была отнюдь не иллю-

зия!). «Дом» снова погрузился во тьму. Зато противный голосок в голове взвился до крика:

Плохая! Плохая! Ты же обещала больше так не делать!

Стыд покалывал меня крошечными иглами, как бисеринки пота на коже во время прилива. Внутренний критик был прав: я достала из укромного уголка запечатанную коробку, которую открывать не следовало. А внутри нее хранился сегодняшней сон: запах стоячей воды, холодное дыхание ночного воздуха, гул вдалеке, приглушенный песней Нене Черри...

Ты заглянула внутрь. Отразила его зеркально. Как мистера Д...

Тридцать лет назад! Я была совсем ребенком. И вообще, не помню такого...

На самом деле помню. Каждую подробность. Эту коробку мне запечатать не удалось, я лишь спрятала ее подальше. Зрелость и кровь заставили забыть тайны моего детства. Горькие дары природы. Женщины всегда были связаны с кровью. Кровь мудрая, греховная, запретная, пролитая. Кровь то первобытная, то обвиняющая, то омерзительная, то возбуждающая любопытство, ужас, стыд, похоть – а порой обещание чего-то большего. Чего-то сильнее женской зрелости. Чего-то утраченного – до сегодняшнего дня. Чего-то похожего на *силу*.

Суббота, 26 марта

Люди похожи на дома. Для чужих глаз предназначены фасады в мягком свете фонарей и аккуратные сады. Фотографии родных на стене. Зеркало над каминной полкой. Мы тщательно выбираем, что показывать другим. А вот происходящее за закрытыми дверями, когда гости ушли, – уже тайна. Конечно, не все и не всегда. Иногда мы пускаем внутрь друзей. Тех, кому безоговорочно верим. Иногда разрешаем им осмотреться. Иногда даже пристраиваем для них комнаты. И все же в кое-какие места хода нет никому. Чердаки со старой мебелью. Забитые хламом подвалы. Заваленные рухлядью лазы. Там мы прячем свои тайны. Иногда – хотя нет, весьма часто – мы и сами хотим о них забыть.

Чтобы понять случившееся в «Буфетной Присциллы», пришлось вернуться далеко-далеко назад, в почти забытое место. У меня таких много. Накопились за годы. Многие остались глубоко внизу, в подвале дома, где с тех пор достроили много этажей. В детстве мой дом был размером как раз для ребенка. И совсем простым. Никаких чердаков и подвалов. Никаких лабиринтов, где поджидают чудовища. Играть в «домик» было проще простого. Никаких запретных комнат, треснувших зеркал, мертвых зон. А игру в «домик»

девочки начинают сызмальства. Самое привычное занятие. Заглядываешь к другу в гости, переставляешь мебель. Одалживаешь игрушки, забавы, жизни. С этого мы с Кэти и начали. С безобидной детской игры. Уже потом она превратилась в нечто иное, а вначале все было просто. Мы построили свою крепость из подушек. И чудесный игрушечный домик в пастельных тонах.

У маленькой Кэти было круглое личико, черные волосы и воображаемый друг по прозвищу Мурлыка. Причем мы его не выдумали, а видели своими глазами. Наши мамы дружили. Мы знали друг друга с рождения и вместе играли на каникулах. Менялись одеждой, заканчивали друг за дружкой предложения. «Домик» нам казался столь же привычным, как игра в школу или стакан молока в садике. Никаких объяснений не требовалось. Мы играли в «домик» с глубокого детства. Были как две горошины в стручке. Люди принимали нас за сестер. Тогда мы всем делились. Я – сказками на ночь, она – воображаемым другом. Меняли вкус моего молочного батончика на вкус ее «опальчика», а мою брокколи с сыром – на ее яблочный пирог. И мне так нравилось в домике Кэти! Больше, чем в своем. Там было безопасно и спокойно. Казалось, ничего плохого не случится. Я мечтала навсегда остаться в нем вместе с крылатыми сказочными пони, заколдованными замками, секретиками и Мурлыкой.

Мы дружили с детского сада. В начальной школе тоже остались неразлучны. По-прежнему менялись одеждой. Де-

лились друг с другом успехами. Всегда сидели за одной партой, а по дороге домой держались за руки. И хотя в чем-то мы сильно отличались – она была хорошенькой, а я простушкой, она занималась спортом, а я залпом проглатывала книги, – мы дополняли друг друга, а не соперничали. В то время нас постоянно выручала наша особая игра. Мы помогали друг другу на уроках, разговаривали, не открывая ртов. Было весело, и к тому же нас никогда не наказывали за болтовню в классе. А если мне или Кэти не нравилась еда в кафетерии, мы меняли вкус на что-нибудь другое, и буфетчицы ничего не замечали.

Вдруг на нашу голову свалился новенький, Адам Прайс. Да так внезапно, как зажженная петарда в рождественском носке. Наша уютная маленькая школа не была готова к появлению Адама – и меньше всего мы с Кэти, увлеченные своей особой игрой.

То был наш первый год в «Чейпл-Лейн». Кэти почти исполнилось восемь, а до моего дня рождения оставалось полгода. Стоял декабрь, вокруг лежал чудесный снег – такой видишь только в кино или в детстве. Все пришли в школу в зимних сапожках, шарфах и вязаных шапках и взяли с собой сменку, чтобы не натаскать снега на подошвах. Никто не ожидал новенького, ведь четверть подходила к концу, но в понедельник, за две недели до новогодних каникул, наша учительница миссис Уайт привела его в класс. Адам показался мне маленьким, но крепким, волосы и ресницы

у него были тонкие и светлые, как блестящая нить, а исхудалое задиристое лицо сразу напомнило мне парк «Солнечный берег» и ряды щербатых от гальки домов в районе, который мы прозвали «Белым городом».

В этом возрасте мы мало понимали, что такое бедность. Однако при одном взгляде на новенького нам стало неловко. То ли одежда не по размеру нас смущала, то ли форма его рта, то ли произношение... А может, непрерывно исходящие от него волны гнева. Под конец четверти он не успел бы завести друзей, даже если бы хотел. Зато миссис Уайт сказала: Адам может застесняться, поэтому нам стоит быть к нему добрее. Конечно, нам всем хотелось узнать о нем побольше.

Адам ничуть не стеснялся. Он был из мальчишек, которых маленький рост и костлявость делают особенно задиристыми. Он сердито на всех тарашился, ругался, пинал парту и в первый же день затеял драку с Мэтью Суини – крупным, бестолковым мальчиком, который тихонько лепил снеговика: Адам заскучал и рассердился, что его не пригласили. Когда миссис Уайт вмешалась, кровь Мэтью капала на снег, оставляя цепочку красных пятен. Адам, стоявший на улице без пальто, от холода побледнел сильнее обычного. Миссис Уайт поначалу решила, что Мэтью его подначивал, зато мы сразу поняли: Адам Прайс – бомба замедленного действия, и, как его ни чурайся, рано или поздно мы с Кэти ему попадемся.

Кэти не повезло первой. На ее месте могла оказаться и я.

И все же ему подвернулась Кэти, которая отлично со всеми ладила. У нас в кабинете стояла коробка с костюмами и реквизитом. Мы с Кэти ее обожали, но всегда по очереди делились с другими ребятами. В ту большую перемену мы ушли в школьную костюмерку – нарядиться пиратами. И вдруг я почувствовала взгляд Адама.

Он провел в нашей школе чуть больше недели и за это время порядочно нас достал: вечно устраивал драки, кричал и ругался. Мы приносили в школу пеналы, а у Адама даже не было карандашей, ранца или носового платка. У него текло из носа, и он до красноты натирал верхнюю губу рукавом, а если чего-то хотел, то просто брал без спроса. Сейчас-то я понимаю: Адам был травмированным, несчастным ребенком – наверное, над ним издевались дома, но тогда я видела лишь противного грязного мальчишку, который ругался нехорошими словами и забирал себе все игрушки из коробки.

– Идите отсюда. Я хочу поиграть, – как обычно, говорил он мало и монотонно. – Пираты не для девчонок.

– Еще как для девчонок! – возразила Кэти. – Мы в них все время играем.

– Девчонки дуры. Даже писать стоя не умеют.

– Еще как умеют! – опять возразила подруга. Уже тогда она была побойчее меня. – Девчонки все-все умеют, что и мальчишки.

– Докажи.

– Вот и докажу!

Вкус клубничного «опальчика» вместо пирога со свиной. Стол, развернутый на сцене, увешанный зеркалами. Дом, открытый всем ветрам. Вот Адам хмурится у коробки с костюмами, а вот с улыбкой пританцовывает:

– Глядите! Глядите! Я девчонка!

Кэти не спускала с него пристального взгляда. Лицо ее стало пустым и бесформенным, словно маска, через которую проглядывает кто-то другой. По всему ее телу волной разлилось неверие и ужас.

– Хватит, – велела она низким голосом.

Адам пел и танцевал.

– Смотрите! Я девчонка! Девчонка! – Не умолкая, он надел диадему из коробки. – Смотрите! Я девчонка! Принцесса!

– Хватит, – повторил Адам голосом Кэти.

– Буду делать что хочу! Я принцесса пиратов!

– Пожалуйста, – попросил Адам. Его черты столь явно проступали под черной челкой Кэти, что ее лицо стало неузнаваемым. Любой заметил бы на нем болезненность и злобу, свойственную Адаму. Я задумалась: что же он видел? Какие отражения успела разглядеть Кэти в зеркале его «дома»?

Я вздрогнула от страха.

Абракадабра!

Кэти! Сейчас же уходи!

Внутри нее все переменялось. Ни крепости из подушек, ни воображаемого друга. Ни комнат с мечтами в пастельных тонах. Дом наполнили чудовищное смятение и разбитое стекло, будто госпоже Чаровник не удалось развернуть стол и на полу остались только осколки хрусталя и тарелок.

Они с Адамом застыли, глядя друг на друга. Не шелохнулись и даже не дышали, правда, всего миг. На лицо Адама вернулась ярость. У Кэти подкосились ноги; она упала на стул. Адам молнией бросился к ней и повалил на пол лицом вниз, словно разъяренный медведь; он задышался и кричал слова, которых мы в жизни не слышали:

– Мразь! Сучка драная! Потаскуха хренова!

И опять вмешалась миссис Уайт. Адам вопил и так размахивал руками, что поставил ей синяк. У Кэти из носа текла кровь, а на подбородке алела царапина. К счастью, ковер смягчил удары. Я хотела успокоить подругу, но она отстранилась. Миссис Уайт повела ее к медсестре, Адама же отправили в «комнату тишины», куда дети заходили успокоиться.

Он оставался там минут тридцать: я сверилась по большим круглым часам над дверью кабинета. Миссис Уайт пыталась заглушить вопли и прочесть нам сказку, но мы слышали только ругань, крики и удары об стену. Было жутко. Он походил не на семилетнего мальчика, а на чудовище из страшной сказки – ненасытное, жаждущее нашей крови.

В тот день директор вызвал его мать. Родители Кэти тоже пришли, но она отказалась объяснить, чем так расстроила

Адама. Только ответила, что мы с ней играли, а потом Адам ее толкнул. Со мной она не разговаривала, даже не глядела на меня. Вообще не замечала. Двери ее «дома» закрылись наглухо. Свет погас. Мурлыка тоже куда-то пропал.

Мы больше не видели Адама в «Чейпл-Лейн». Судя по обрывкам разговоров, его забрали в приют из-за сложных обстоятельств в семье. Кэти не ходила в школу до конца четверти, а на рождественских каникулах ни разу со мной не заговорила, даже обычным способом. Ее мама, Мэгги, заглянула к нам пообедать, но Кэти осталась дома, и мой подарок ей так и лежал нетронутый под елкой. Когда опять началась учеба, я спросила Кэти, в чем дело. Она притворилась, будто не поняла вопроса, и села за парту к Лорелей Джонс, домой пошла с ней за ручку, а одноклассникам велела мне передать: мы больше не лучшие подружки.

Почему? Что я сделала не так?

Ее потемневшие глаза были непроницаемы. Прежде открытый для меня «дом» пестрел знаками: «ВНИМАНИЕ! ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩЕН». Даже в гостиной не горел свет. Ни следа Мурлыки в тени. Я протянула Кэти руку, но она отвернулась и яростно потрянула головой; темные волосы расплылись в пятно.

– Пожалуйста! Я хочу с тобой поговорить.

Опять она потрянула головой.

– Я сегодня такую смешную штуку видела!.. Впусти меня, покажу.

Обернувшись, она смерила меня холодным, колючим взглядом, как у сокола на охоте.

– Я больше не хочу так делать. Никогда. Отстань от меня!

Весь вечер я прорыдала в подушку. На следующий день Кэти и смотреть на меня не хотела. Я твердила себе: она вернется. А как иначе? Она ведь моя лучшая подруга. Но как бы я ни старалась, как бы ни отправляла ей послания сигнальным зеркалом, ответа не получала. Мы по-прежнему виделись в школе, наши родители общались. Иногда мы даже играли, если поблизости не было ее друзей, но только в салочки, прятки и Барби. Порой Кэти заглядывала ко мне поиграть в твистер или посмотреть телевизор. Однако наша тайная игра в «домик» и волшебная дружба подошли к концу.

У каждого ребенка есть свои детские горести. Маленькие невзгоды. Маленькие предательства. Никто не обратил внимания на мои печали и не расспрашивал о дезертирстве Кэти. Кроме моей мамы – она расстроилась не меньше моего. Мэгги, мать Кэти, всегда присутствовала в нашей жизни, вот и от нас ожидали такой крепкой дружбы. «Очень важно сохранить друзей, – говаривала мама. – Мы с Мэгги дружили задолго до того, как я встретила твоего папу». Теперь, когда отец умер, она частенько повторяет: «Подруги переживают мужей. Поэтому надо поддерживать связь». Возможно, поэтому в ее голосе звучит такая грусть, когда мы говорим по телефону, – у меня нет близких друзей. Моя пустота, ее разочарование. Две стороны одной удручающей медали.

Будто Кэти Малкин связывала нас, как нить. К концу первого класса мы с Кэти настолько отдалились, что мне самой сложно поверить в нашу былую дружбу. И разумеется, к тому времени игра в «домик» переросла в нечто иное.

«Домик». Звучит безобидно. Однако, подобно другим детским играм – «виселице», «мафии», «зайцу и волку», – в ней есть зловещая сторона. Дети похожи на животных: в игре они учатся навыкам, которые пригодятся им во взрослой жизни. Мальчики играют с пистолетиками. Девочки играют в «домик». Иногда – друг с другом.

Ты украла его пончик, Бернадетт.

Нет. Не может быть.

*Украла-украла. Отразила зеркально. Как раньше.
Как Кэти отразила Адама Прайса.*

Не было такого. Мне приснилось.

Неправда. Помнишь...

Иногда оно является с кровью. Иногда – с воспоминаниями. А иногда со вкусом пончика с джемом и сливками, со смутными обрывками воспоминаний...

4

Суббота, 26 марта

Забавная штука – память. Мы ничего до конца не забываем. Воспоминания живут внутри нас в миллионе облиций,

таятся в мышцах и синапсах, в клетках, которые мы считаем спящими. Иногда они являются во сне. Обычно их пробуждает воздействие на органы чувств.

«У Пруста были мадленки, – подумала я. – А у меня вот пончик с джемом и сливками».

Так все и началось. С пончика. Однако воспоминания таятся не в ощущениях. Нет, они прячутся в темном уголке. Я вошла в «дом» незнакомца с карамельным латте и кофейным тортом; во рту у меня еще оставался привкус недоеденного пончика со смородиной.

Убирайся, Берни! Сейчас же!

Но как? Я не могла уйти. То, чего я боялась почти тридцать лет, все-таки меня настигло; беспомощно застыв, я ждала, когда груз воспоминаний раздавит меня, как рухнувший потолок...

Ничего не рухнуло. Честно говоря, с виду опасаться было нечего. «Дом» незнакомца походил на мамин – по крайней мере гостиная. Безделушки в книжном шкафу, фотографии на стене. Отражение интерьера в зеркале над каминной полкой. Лишь за парадной комнатой начинался настоящий дом: кладовые, задние комнатухи, подвалы.

Конечно, все не так просто. «Дома» – скорее хранилища чувств, мыслей и воспоминаний, а не обычной мебели. Можно заглянуть в окно, где горит свет. Мельком бросить взгляд из проезжающей мимо машины. Как и в детстве, чужое сознание до сих пор мне кажется домом. Только взрослые «до-

ма» куда больше и сложнее, чем детские. К тому же я не бывала в «домах» взрослых с тринадцати лет. И сейчас заходить не хотела, все вышло само собой, когда я угостилась пончиком незнакомца. Нечто теплое, как кровь, и холодное, как далекое воспоминание, пробудило такой отклик.

Невозможно. Просто все в голове перепуталось из-за гормонов, переживаний, бессонницы. Диди, наверное, посоветовала бы стакан огуречной воды со льдом. И легкую зарядку.

Мой смех зловеще отражался от стен. Я вздрогнула. *Уходи отсюда. Это очень опасно.* Но чувство, которое я испытала, коснувшись незнакомца – удовольствие от запретного, – было сильнее. Я не просто увидела этого мужчину, на миг я стала им! Воспоминания, отражения, страхи – все они пошли оттуда. От вкуса смородинового пончика.

Магии не существует, – напомнил внутренний критик.

Оказалось, существует. Она столь же реальна, как кровь. Столь же реальна, как мысль: *«Не как в прошлый раз».*

Это не твое дело, Берни, – настаивал внутренний критик. – *Тебе он никто. Оставь его и уходи, пока не натворила дел. Ты же знаешь, как оно бывает. Помнишь ведь прошлый раз.*

На сей раз мама была права. Только что-то в этом мужчине никак не давало мне уйти. То, как он смотрел на Айрис, розововолосую девушку у прилавка. *Я ей тоже нравлюсь. Она назвала меня дружкой. Когда у нее кончается смена?* А под этой мыслью таилась еще одна, темная: *Сегодня надо*

поосторожнее. Держи себя в руках. Не как в прошлый раз. Ты был сам не свой.

Плохая! Тебе сюда нельзя! Голос внутреннего критика взвился до крика. Я отправила его – точнее ее, голос-то женский, – в «комнату тишины», как непослушного ученика, а сама изучала «дом» Типа с Пончиком. Конечно, *она* скоро вырвется: через стену глухо доносились ее яростные вопли. А пока можно передохнуть.

Итак, что расскажешь?

Побывать в чужом «доме» – все равно что коснуться его рукой. Ты точно поймешь, что сломал кость. Я точно чувствовала, что беременна Данте. Этим утром я точно почувствовала, что подо мной лужа крови. Когда я утром увидела на воротах парка сигнальную ленту, я точно почувствовала, как прилив поймал меня в свои огненные лапы. Как тогда, с другим мужчиной, много лет назад. Ощущение столь же явственно, как тепло чашки кофе, как сахарная пудра на подбородке. Каждым нервом и синапсом тело давало мне подсказку. А вот разум не желал слушать.

Его руки. Порезы у него на руках.

Умолкни!

Я до боли стукнула ладонью по столу. Тип с Пончиком оглянулся. В лицо ударила кровь – на сей раз из-за банального стыда. Я притворилась, будто смотрю в телефон. Тип с Пончиком не отводил от меня взгляда. От тревоги иглами покалывало кожу, появилось легкое жжение – первая ласточка.

ка прилива. А может, тело откликалось на увиденное? Так или иначе, меня обдало жаркой ненасытной волной. И незнакомец явно это видел, будто свечение.

Я принялась нарочито разглядывать надкушенный маффин. Каждая маковка валуном возвышалась на пейзаже, видимым с невероятной высоты. Я потянулась за чашкой чая дрожащей рукой.

Тип с Пончиком подошел к моему столику. Впервые я увидела его вблизи. Лет сорок с хвостиком, крепкий, волосы сбриты, чтобы не выделялась залысина, ясные голубые глаза на довольно приятном широком лице. Он молча разглядывал меня, потом улыбнулся.

– Вот так встреча!

Я недоуменно его оглядела. Разве мы знакомы? Меня бросило в жар. Кожу подмышек покалывало. Лицо горело. Вдоль спины потекла струйка пота. Я чувствовала себя мучительно незащищенной, будто в кошмарном сне: поднимаешься на сцену – и стоишь голой перед многотысячным залом. А хуже всего было другое: увиденное в «доме» незнакомца теперь казалось мне климактерическим бредом, плодом воспаленного сознания.

– Ты ведь жена Марти, да? Берди?

– Берни, – поправила я.

– Точно! Берни. – Он улыбнулся еще шире. – Я Джим Вуд. Вуди. Джим из Качалки. Вспомнила?

Ну конечно. Моя самоуверенность мигом рухнула

как карточный домик. Я не заглядывала в мысли Вуди. Просто знала его. Мы уже встречались. Это его комментарии я читала сегодня в ленте. @ДжимИзКачалкиб9. Разумеется. Я свалила все свои беды – спазмы в животе, приливы, яркий сон, ужасные новости об убийстве – на беднягу, который просто оказался со мной в одном кафе.

– Джим из Качалки, – кивнула я, покраснев. – Конечно. Как я могла забыть?

Несколько лет назад Мартин заволновался, что потолстел, и нанял личного тренера – Джима из Качалки. Поначалу мы лишь посмеивались. У них с Мартином не было ничего общего. Джим Вуд делал упор на белковые коктейли и кардионагрузку. Мартин иногда ходил на пробежку, но только послушать аудиокниги. Тем не менее они с Джимом подружились. И хотя спортивный пыл Мартина частенько угасал, они остались приятелями. Правда, я видела Джима Вуда лишь раз. Зато какой памятный! Это было года три-четыре назад. Мартин пригласил двоих товарищей из спортзала и их дам пообедать в местный спортпаб. Только «дамами» оказались инструкторши по йоге, которые устроились со спутниками на диване и смотрели матч на широком экране, пока я пощипывала кусочек пиццы, стараясь не привлекать к себе внимания. Девушки были стройными блондинками лет двадцати с чем-то. Рядом с ними я казалась коровой и к тому же годилась им в матери.

– Неплохо выглядишь, – отметил Джим Вуд.

– Спасибо.

Увидев его снова, я сразу вспомнила тот день, запах пива и сигаретного дыма, тянущегося с улицы в окно, оглушительный рев широкоэкранный телевизора. На Джиме была майка с принтом: женщина в фате стреляет в мужчину, стоящего на коленях. А внизу надпись: «Иногда клятвы надо нарушать».

– Зови меня Вуди, – попросил Джим Вуд. – Как дятла из мультика. Спроси сама у Мартина, что дятлы умеют лучше всего.

Долбить. М-да... Он меня слегка раздражал. И потным лицом, и раскатистым смехом, не говоря уж о гадкой футболке. Меня раздражала его манера есть, заигрывания с девушками, шуточки, покрикивание на телевизор. А больше всего меня раздражало, как менялся Мартин в его обществе. Мой спокойный, задумчивый муж в тот вечер превратился в другого человека: грубил на пару с приятелем, смеялся над шутками, которые обычно презирал, использовал слова «качок» и «чувак», которые никогда прежде не использовал. В соцсетях Мартин до сих пор общается с ним в этой манере: и в «Фейсбуке», и даже в «Твиттере».

– Как Мартин?

– Хорошо.

– Занимается?

– В спортзале? Иногда. Сам понимаешь, работа...

– Он женат на работе, знаю. – Вуди не спускал с меня

пристального, не слишком дружелюбного взгляда. – Вот будь у меня такая жена...

Я ответила бессмысленной улыбкой – вроде как оценила комплимент. Мы часто так делаем, правда? Женщины стараются щадить чувства мужчин. Притворяемся, будто польщены, даже если внимание нам неприятно. Улыбаемся, когда нас походя оценивают или свистят нам вслед. Смеемся над грязными шуточками, даже если они о нас. А если отказываем, то улыбаемся, лжем, извиняемся. Переставляем цифры, когда диктуем номер телефона. Притворяемся, что голова болит. Придумываем срочные дела. А если ничего не помогает, объясняем: мы уже заняты. «Извините, у меня есть парень». Словно мужчине можно отказать, только если другой мужчина успел первым. Мужчины – собственники. Они понимают, что каждый защищает свое. Впрочем, их гордость легко ранить, а уязвленные, они могут и вскипеть. *А ну смотри на меня, тварь! Смотри на меня, я сказал!..*

Он положил мне руку на плечо и ухмыльнулся. Мои лицо и шея горели. Я вспомнила тот день в спортпабе, его пристальный взгляд, от которого становилось не по себе, хотя из всех женщин я была самой блеклой. Некоторым нравится смущать женщин. Некоторым нравится уязвимость. При этой мысли на меня нахлынули прежние страхи, кровь волной прилила к щекам, я ни минуты не могла выносить присутствия Джима и мечтала поскорее затеряться среди прохожих на Главной улице.

– Можно угостить тебя кофе? – спросил он.

Я снова бессмысленно улыбнулась и поглядела на часы. Выученная вежливость – даже сейчас, даже с ним! – оказалась слишком сильна. *Хорошие девочки не грубят*, – тотчас напомнил голос внутреннего критика. – *И не устраивают сцен*. А если бы Джо Перри устроила сцену, она бы спаслась? Она старалась не замечать нападавшего, надеялась, что он сам отстанет, – а если бы закричала, пнула его по голени и убежала со всех ног?..

– Извини, правда не могу, – ответила я. – Опаздываю на работу. Приятно было встретиться.

«Приятно». Я уже теряла голову от страха. Чувствовала запах его лосьона после бритья, пота, торта, кофе, вчерашней сигареты, выкуренной ночью в спальне. Я снова вернулась в его «дом», слышала его голос через шлакоблочные стены, ощущала смрад его воспоминаний. Хотелось поскорее сбежать, но против собственной воли я оставалась внутри, в ужасе, что он заметит мое вторжение. Пахло сырой землей, дождем, сокровенными тайнами, и все это под аккомпанемент внутреннего монолога – бессловесного хоровода мыслей, который удивительным образом получалось облечь в слова: *Симпатичная. Подойдет. Когда у нее кончается смена?* А параллельно не смолкал настойчивый ритм другой мелодии: *Только не как с прошлой. Ты был сам не свой. Но некоторые бабенки – настоящие стервы.*

– Уверена? – с улыбкой спросил он. Его ладонь скользнула

к моей пояснице, но глаза блуждали. Он наблюдал за Айрис, розововолосой девушкой, которая обслужила его за прилавком. «Я для него прикрытые, – догадалась я. – Повод последить за Айрис. А может, и не только последить».

– Нет, правда не могу.

– Ну, ладно. Передай Мартину привет.

– Конечно.

Внутри я исходила криком. Вся покраснела, силясь скрыть пылающую во мне догадку. Вуди – маньяк. Джим Вуд, друг Мартина из спортзала, хочет напасть на эту девушку. На пояснице горело прикосновение его руки, там же, где над резинкой белья выступила холодная испарина. Я гадала, чувствовал ли Вуди запах моего страха, нравилось ли ему? Резко отпрянув, я начала картинно обмахиваться ладонью.

– Извини, жарко стало. Привет, менопауза!

Мужчинам всегда становится неловко, когда женщины заговаривают о своей физиологии. Например, в «Малберри» месячные всегда спасали меня от участия в соревнованиях.

Вуди отстранился. Отвел глаза от Айрис. Отвращение лязгнуло в его «доме», как подвальная дверь. А еще звучал шепот, похожий на эхо: *Может, вечером увидимся.* Значит, я служила Вуди лишь временным прикрытием, а его внутренний взор по-прежнему был прикован к девушке, оценивал ее...

– Короче, большой привет старине Марти, – попрощался Вуди. – Пусть как-нибудь заглянет в гости!

А потом он – слава богу! – ушел, и связь между нами оборвалась, будто и не было.

Абракадабра!

Я, не оглядываясь, бросилась прочь, прижимая к груди сумочку, как броню. Сердце отчаянно колотилось, а лицо горело, но чем дальше оставался приятель мужа, тем упорнее возвращались прежние сомнения. Что за ерунда творилась в кафе? И что за ерунда творится со мной?

Резкий вкус смородинового джема. Тень «усиков» от сахарной пудры над верхней губой. Его пристальный взгляд на Айрис. Голод в его глазах. А в голове – воспоминания о женищинах, которых он привел домой, которых считал добычей...

Какая чушь! Мы с Вуди выпивали вместе, господи ты боже мой! Он друг моего мужа! Наверняка в «Буфетной Присциллы» у меня немного помутилось в голове. Кошмары, усталость, гормональные изменения – между прочим, часто вызывающие тревогу и даже навязчивые идеи... Я увидела знакомое лицо, вспомнила его ник в «Твиттере» и перенесла на тренера расстроенные кошмарным сном чувства – чувства, ставшие от его безвкусной шутки о Джо Перри только сильнее. *Да, звучит разумно*, – согласился внутренний голос. Игра в «домик» – лишь полузабытая детская забава. А даже если и нет и я сумела заглянуть в «дом» Вуди, то как доказать, что он опасен?

До самого книжного я никак не могла выбросить слу-

чившееся из головы. Его улыбка, холодок в глазах, ладонь на моем плече. И взгляд, оценивающий Айрис, как пирожные на витрине. Он заявлял на нее свои права, как на купленное лакомство. А вдруг туман в голове тут ни при чем? Вдруг я права?..

5

Суббота, 26 марта

Понимаю, как наивно звучат мои слова. Постарайтесь понять: я нечасто думаю: «Вдруг я права?» Большую часть жизни мужчины отмахивались от моих предчувствий и эмоций. Мужчины – хранители здравого смысла, благоразумия и уравновешенности. А вот женщины излишне впечатлительны и подвержены влиянию гормонов. Поэтому Мартин частенько не принимает мои чувства всерьез. Себя он считает человеком логичным, а меня – эмоциональным. Когда-то его привлекала эта черта; он говорил, что я растопила его сердце. Теперь моя впечатлительность ему докучает.

Запыхавшись, я вошла в книжный, опоздав минут на пять. Салена уже открылась и расставляла книги на витрине. Она не выпрямляет свои черные кудряшки, и бьющий в окно утренний луч окружил шапку ее волос огненным ореолом. На столике неподалеку лежала стопка цветной шелковой бумаги. Бумажные бутоны, сердечки и птицы расцветали меж-

ду коричневыми пальцами Салены.

– Все хорошо? – спросила она. – Ты какая-то... – «Усталая»? «Взмыленная»? Она пыталась подобрать слово, не намекающее на возраст.

– Просто нужен кофе, – улыбнулась я.

В конце магазина у нас есть кухонька-столовая. Через минуту-две Салена вернулась оттуда с двумя кружками ромашкового чая.

– Вот уж что тебе не нужно, так это кофе, – сказала она. – Возьми, успокоишься. С соцсетями я разобралась, осталось только Кафку выложить.

В основном Салена занимается профилем нашего книжного в соцсетях. В этом году дела идут вяло, поэтому мы пытаемся заинтересовать людей и поднять продажи с помощью интернета. Умных идей у Салены много, а самая изобретательная – ежедневно выкладывать фото Кафки, кота из книжного. Раньше он жил на улице вместе с другими животными, которых Салена и сейчас кормит. Из драного бездомыша он превратился в ухоженного котяру с белыми лапками и белоснежной грудкой и теперь навсегда поселился в магазине. Иногда спит прямо на оконной витрине, забавляя прохожих. У него свой профиль в «Твиттере» и «Инстаграме», а еще ютьюб-канал на восемьдесят с лишком тысяч подписчиков. Есть даже аккаунт на «Пейпал» под названием «Купи Кафке книгу». Собранных денег хватает коту на еду и ветеринара.

– Выложу сама, раз уж пришла, – предлагаю я.

– Хорошо.

Салена возвращается к витрине, а мне остается найти Кафку, сфотографировать и загрузить в «Инстаграм» с «Твиттером», а еще обновить раздел «Что Кафка читает» (сегодня – биографию Нельсона Манделы).

Увы, я засела в «Твиттере», где в разделе «Актуальное» по-прежнему висит имя Джо Перри. Столичная полиция просит женщин не выходить на улицу одних. Интересно, а когда они попросят мужчин не нападать на женщин?

@бернимун: Почему женщины должны меняться? Почему не мужчины?

@уайти2947: Здравый смысл, вот и все. Жертвами не просто так становятся.

@бернимун: Она ни в чем не виновата.

@уайти2947: Я и не обвиняю, но если бы она не ходила одна, то ее бы не убили и дети не остались бы без матери.

Я взялась печатать ответ, потом закрыла приложение и выдохнула. Кожу опять начало покалывать от жара. Ни к чему ввязываться в споры, в интернете никто не меняет мнения. А ведь в детстве нас учили: женское терпение может приручить и чудовище. Только в сказках почему-то умалчивают о силе женского гнева.

– Все хорошо?

Чай уже остыл. Салена глядела на меня с тревогой. Я хотела ответить, что все хорошо, но ведь это неправда. Я зли-

лась. Злилась, а еще едва ли не плакала от случившегося сегодня.

Салена все поняла по лицу, шагнула ко мне и молча обняла.

Простой жест. Объятие. Почти забыла, каково это. Волосы Сален пахли кокосовым маслом; аромат напомнил о лете и о том, как Данте еще мальчиком строил замок из песка... Я заплакала.

– Извини.

– За что? – удивилась Салена.

– Все нормально, просто ночь выдалась неважная, вот я и расклеилась...

– Ничего не нормально, Берни. Возьми отгул. Я одна продержусь.

– Выходные же. – Я покачала головой.

– И? В прошлые мы продали всего шесть книг. И потом, уж прости, выглядишь ты фигово. – Ласковый тон смягчил резкость ее слов. – Что случилось?

– Ничего. Так, гормоны.

– «Ничего», говоришь? От гормонов все зависит. Сходи умойся, а я заварю еще чаю. На этот раз выпей весь!

Я зашла в туалет и взглянула на себя в зеркало. Да уж, Салена права – вид ужасный. И не только вид. Пульс скачет; расстроенная, на грани истерики. Мой врач говорит, это нормально, однако никакого выхода не предлагает. Доктор Ловетт сказал: «Если серьезных жалоб нет, пусть природа берет

свое». А еще он сказал, что полное изнеможение, перепады настроения, набор веса, приливы, сонный паралич и ночная потливость – не поводы для тревоги; зато спросил, не понизился ли мой интерес к интимной жизни. Я сказала, что нет. Мой интерес всегда был делом последним. Мне снова кажется, что у Мартина роман на стороне. Он поздно возвращается домой. Настроение у него меняется по щелчку. Он постоянно бегает в душ. И злится. Говорят, и у мужчин бывает менопауза. Если так, то пора им признать и нашу.

Я умылась холодной водой. Сменила прокладку – она промокла насквозь. Если верить «Менопаузе как есть», то за это мне полагается долька темного шоколада. Целая долька! Улыбнувшись, я вдруг поняла, как сильно проголодалась. Маффин на завтрак я ела будто в прошлой жизни. Из зеркала на меня смотрело покрасневшее лицо без косметики, и все же вид стал немного лучше.

Салена тем временем открыла пачку печенья.

– Ого, хорошее печенье! Шикуюм. – Я взяла штучку. – Извини. Не хотела устраивать истерику.

– Эмоции на то и даны, чтобы их чувствовать, – ответила Салена, поглядывая на меня. – Так говорит моя подруга Леони. Ей ли не знать: полжизни ходит к психологу.

– Печально. – Я мало знаю о близких Салены. Собственно, и о ней тоже, если учесть, сколько времени мы проводим вместе. Иногда в соцсетях мелькают фрагменты ее домашней жизни, но кто знает, может, у нее ничего больше и нет, кро-

ме нашего маленького мирка – магазина, кота, покупателей.

– Все у нее в порядке, – успокоила Салена. – Из моих знакомых она самая уравновешенная.

Я улыбнулась. Повеселела. Взяла еще печенье. Чай был травяной, на вкус – смесь солодки и мяты.

– Наверное, как раз такой чай пьет Диди у бассейна. После пилатеса, например.

– Кто-кто?

Я объяснила про Диди Ля Дус и «Менопаузу как есть».

– Не Ля Дус, а Ля Дур, – проворчала Салена, потянувшись за печеньем.

– Ты же понимаешь, что теперь я так и запомню ее фамилию? – рассмеялась я.

– Вот и хорошо, – улыбнулась Салена.

К четверем в «Книжный Салены» заглянуло одиннадцать человек. Пятеро – чтобы погладить кота. Только один сделал покупку. В этом и проблема независимых книжных: людям нравится идея, но полную цену они платить не хотят. Заходят, разглядывают полки, обсуждают с Саленой свои вкусы, слушают ее советы, потом притворяются, будто кто-то позвонил, и уходят заказать нужное на «Амазон». Один посетитель и притворяться не стал: отсканировал штрих-коды – и был таков, даже дверь не закрыл.

Вот козел.

«Если и дальше пойдет в таком духе, – подумала я, – к Пасхе разоримся».

Заглянула в телефон. Мартин был «онлайн». Я зашла на его «Фейсбук»: муж обсуждал вечер встречи выпускников «Пог-Хилл». Под публикацией Лукаса отметились человек сто. Об убийстве Джо Перри – ни слова. Наверное, Мартин еще не читал новостей.

– Странно, что нет полицейских на каждом шагу после вчерашнего-то, – удивилась я.

– Джо Перри? – Салена подняла глаза.

Я кивнула.

– Не бойся, его поймают. Такие дела не спускают на тормозах.

Конечно, она права. Джо Перри – молодая, красивая, белая. Достойный инфоповод. Ее жизнь имеет ценность. Замужняя женщина, мать двоих детей. А ведь столько цветных женщин погибает в жестоких руках, и в новостях о них не пишут.

Салена подняла Кафку с подоконника.

– Полицейские сегодня заглянули в спортзал. Искали там ее преследователя.

«Преследователя»... Вспомнился Джим из Качалки. Как он смотрел на Айрис, словно на пирожное в магазине. А вдруг я права? Вдруг Джим – маньяк?

Я наклонилась погладить Кафку. Кот довольно заурчал и подставил пузико. Значит, разрешил погладить. Иногда ему это нравится. А когда нет, он дает знать. Я улыбнулась внезапной мысли. Ничего сложного, подумала я. Хозяева ко-

шек хорошо понимают, что такое согласие.

– Допустим, ты подозреваешь, что твоя подруга в опасности, – начала я. – Как ты поступишь?

– О какой опасности речь?

– Скажем, ее преследуют.

– Господи, Берни! – ужаснулась Салена. – Ты о себе? Ходила в полицию? Мать честная, после Джо Перри...

– Я не о том. – Неожиданно навалилась усталость. Как найти нужные слова?.. – Нельзя обвинить человека просто потому, что тебе рядом с ним тревожно.

– Верно, – нахмурилась Салена. – Но ты ведь не просто так тревожишься. Ты поделилась со своей подругой?

Я покачала головой.

– Так поделись. Может, она его тоже подозревает. Так хоть ты ее поддержишь.

И вновь я покачала головой. Мы с Айрис даже не знакомы, как с ней поделиться? И в полицию не пойдешь. Ни малейших доказательств, что Вуди задумал недоброе. Климактеричка винит мужчину в приливе жара? Да меня на смех подняли бы. Или саму бы арестовали.

И все же Салена права. Многие женщины не придают значения своей тревоге. Многие боятся показаться грубыми, истеричками. Многие женщины прикрывают свои страдания завесой вежливости. Слишком многие.

– Наверное, надо вернуться, – пробормотала я. – Вернусь и...

Остановлю его.

Этот голос. Чей он? Уже не грозного внутреннего критика, а скорее... почти подруги? *У тебя получится, сама знаешь*, – говорила она. – *И знала с первой минуты, как его увидела. Тебя учили пренебрегать своими чувствами. Хорошие девочки не устраивают сцен. Но ты не хорошая девочка, правда же?*

Я повернулась к Салене.

– Ты права. Можно я уйду пораньше? Кафе закрывается в пять, вдруг он ее поджидает...

– Конечно. Думаешь, он явится? Ну, тот жуткий тип? Преследователь?

Я пожала плечами.

– Надеюсь, нет.

Лгунья, – прошептал внутренний голос.

«Плохая девочка, ох плохая», – подумала я. И улыбнулась.

6

Суббота, 26 марта

Я дошла до «Буфетной Присциллы» в начале шестого. Табличка на двери гласила: «ЗАКРЫТО», но свет внутри еще горел; Айрис прибиралась, вытирала столы и составляла стулья. Ни следа Вуди. Тренажерный зал, где он работа-

ет, всего в улице-другой отсюда. Нет, не тот, куда ходила Джо Перри, а просто небольшой зальчик, где женщины ходят на йогу, а мужчины – на персональные тренировки. Вуди совсем не трудно заглянуть и проверить, когда Айрис работает. *Совсем не трудно пойти за ней по пятам. Сделать то, что делал прежде.*

Я перешла дорогу и выбрала уголок, откуда удобнее было следить за кафе. Зажегся оранжевый свет фонарей, с неба накрапывал легкий дождик: промокнуть я не промокла, но на волосы опустилась вуаль прозрачных капель. По-своему приятное чувство. Хоть освежило лицо. Я засомневалась, придет ли Вуди. Может, мне почудилось? Обычное дело, убеждала я себя, стоя под дождем. Берни Мун в очередной раз напридумывала чепухи. Берни Мун портит все вокруг с тысяча девятьсот девяносто второго.

А если он придет, что будешь делать?

Вернулся мой внутренний критик с маминым голосом.

Остановлю его.

А сможешь? Очень уж ты уверена. Конечно, тебе не впервой. Напомни-ка, чем в прошлый раз дело кончилось?

Надо признать, она права. Я рано забеременела и загубила свое будущее. Подвела маму. И парня. И сына. И подружку. Так почему сегодня так уверена в своей правоте? Зачем вообще сюда пришла?

Вдруг на противоположной стороне улицы показался Вуди, переодевшийся из спортивного костюма в белую фут-

болку и кожаную куртку. Я знала: он принял душ, намазался лосьоном после бритья. Знала, почему он здесь. Знала, что он придет, с первой же минуты, как заглянула к нему в «дом».

Я юркнула в тень ближайшего козырька. Безотчетная мера предосторожности, хотя излишняя – женщины вроде меня невидимы. Можно идти за ним сколько захочешь, если только намеренно не привлекать внимание.

Вуди подошел к двери кафе, дернул ручку на себя. Закрыто. Взглянул на Айрис в окно. Теперь она мыла пол. Вуди постучал по стеклу. Айрис подняла голову и показала на дверь: «Извините, мы закрыты».

Вуди улыбнулся. Довольно дружелюбно, и только я догадывалась, как быстро он может рассердиться. Он поднял руки – гляди, мол, я безоружен. *Впусти, я твой друг.*

Айрис колебалась. Ни одна женщина, оставшись ночью одна, не видит в незнакомце друга. Вуди снова улыбнулся и сложил ладони в шутливой мольбе: «Всего одну минутку, пожалуйста». Хорош! Изображает безобидного клоуна. Интересно, много раз он так делал?

Я попыталась внушить Айрис, чтобы не впускала его. Чтобы отвернулась и забыла о нем. Напрасно – похоже, она его узнала. Может, в кафе он частый гость. Айрис открыла дверь, и Вуди скользнул внутрь. Прошло несколько минут. Теплые капли дождика стекали у меня по лицу. Как поступить? Пойти за ним? Сердце бешено колотилось, руки

сжались в кулаки. В очередной раз пришла мысль: а вдруг я свихнулась?

Вдруг зазвонил мой мобильник. Из глубин сумочки Мит Лоуф запевал: “I’d Do Anything For Love”¹³. Ругнувшись, я принялась судорожно шарить рукой по дну. Звони кто-нибудь другой, я бы просто убрала звук или выключила телефон. Но эту песню я поставила на звонки от Данте. Когда он родился, песня Мит Лоуфа занимала первое место в хит-парадах.

– Данте?

– Мам? – Голос Данте остался таким же, как в детстве, только на октаву ниже. Слегка жутковато. В нем звучит рассеянность, даже удивление, словно сын ожидал услышать кого-то другого. – Ой, я нечаянно нажал. Извини. Наверное, сунул телефон в карман, а экран не заблокировал. Прости.

– Ничего. – Что ж, это все объясняет. Данте мне никогда не звонит. – Главное, что с тобой ничего не случилось.

– Да нет, все нормально. А у тебя все хорошо?

– Конечно! – нарочито веселым тоном ответила я. – Иду домой. День выдался долгий.

– Понятно. – Данте не терпелось закончить. – Ну...

– Чем занимаешься? – перебила я.

Внезапно мне отчаянно захотелось, чтобы он поговорил со мной. Рассказал, как прошел рабочий день, что у него на ужин. Во что одет, куда ходил, что смотрел по телевизору.

¹³ На все готов ради любви (англ.).

ру. В детстве Данте был очень общительным: разговаривал сам с собой, с игрушками и вообще со всеми вокруг. Став подростком, он утратил эту черту. Теперь он человек неразговорчивый, слова его уклончивы, и каждое – на вес золота.

– Ничего. Буррито готовлю. – Недолгое молчание. – Мам, у тебя правда все нормально? Ты какая-то... взвинченная.

– Ничего серьезного. Ты слышал об убийстве? Через дорогу, в парке Виктории? Женщина вышла на пробежку. Тело нашли сегодня.

– А, вот в чем дело! – с облегчением в голосе отозвался сын. – Тогда понятно, почему ты всполошилась. Слушай, все образуется. Пойди домой, отдохни. Потом перезвоню, ладно, мам?

– А какие буррито?

– С курицей. Ладно, мне правда пора...

– Конечно. Пока-по...

Он отключился, не успела я сказать «Люблю тебя» или «Береги себя, Дэн». Мой сын не любит, когда чувства выражают вот так, запросто. А вдруг это моя вина? Как бы он отреагировал, если бы я признала: «Ничего у меня не хорошо. Я кое-кого поджидаю у кофейни. Наверное, схожу с ума».

Свет в «Буфетной Присциллы» погас. Внутри никого не было. Увлечшись разговором, я забыла о слежке. Дождь лил с чернильно-синего, как джинсовая ткань, неба. Мимо проехал автобус, потом еще один, подняв веер брызг. Я рас-

терянно глядела на машины под струями дождя. По коже со- роконожкой проползла липкая тревога. Неужели я их упу- стила? Они ушли, пока я говорила с Данте?

Может, оно и к лучшему, – рассудил внутренний кри- тик. – Может, звонок Данте уберез тебя от большой ошиб- ки.

И тут я заметила их метрах в пятидесяти от меня, на глав- ной дороге. Айрис шагала в светлом пальто, с зонтиком в ру- ках. Ее розовые волосы привлекали внимание даже издали. Я поспешила за ней.

Большая ошибка, – повторил голос.

Я отправила его в «комнату тишины». Перешла доро- гу. Торопливо зашагала по Главной улице, подняла ворот- ник, прячась от дождя, – случайная, неприметная прохожая спешит домой. Средних лет, тускло освещенная фонарями, в туфлях на низком каблуке. Вуди меня не заметил бы – слишком для него стара, Айрис же вряд ли меня запомнила. Догнав их, я будто случайно увернулась от брызг дождя из- под колес и задела локоть Вуди...

Снова электрический заряд, контакт. Отражения из «до- ма» Вуди промчались перед глазами, словно я проехала ми- мо на машине.

Вот и хорошо. У меня получится.

Я встала под козырек театра, притворяясь, что смотрю в телефон. Вуди с Айрис опять неторопливо прошли мимо. От Айрис повеяло чем-то легким, цветочным, домашним.

«Дом» Вуди стоял нараспашку. В гостиной приветливо горел свет. Расстарался для Айрис. Пытается ее очаровать. Словно бы издалека послышался его смех и ее короткий, вежливый ответ – будто маленькой девочки на дне рождения знакомого, который ей не очень нравится.

Я смогу. И ничуть не схожу с ума.

Глубоко вдохнув, я бесшумно переступила порог.

7

Суббота, 26 марта

Ни один мужчина в глубине души не признает себя ма-
ньяком. Большинство обвинит жертву – одежда не та, оказа-
лась не там, мало сопротивлялась. Одни винят жен за неудо-
влетворенность. Другие – матерей за воспитание. Некото-
рые даже убеждают себя, что следуют природному инстинк-
ту, таким образом обвиняя в своем безволии матушку-при-
роду. В каждом преступлении против женщин якобы вино-
вата женщина.

Вуди, например, все беды сваливает на феминисток. Счи-
тает, что они все испортили. До них мир был прост и поня-
тен. Мужчины и женщины знали свое место. Мужчины бы-
ли добытчиками, защитниками, героями. Женщины носили
платья и уважали себя. Мужчин ждали чистый дом и ужин
на столе. И все жили счастливо. А сейчас даже не разберешь,

где парень, а где девушка. Сплошные #MeToo, гендерные заморочки, трансвеститы и татуировки. *Наверняка у нее есть татушки. И все равно...* – косо́й взгляд на девушку – ...*надо ломать комедию. Говорить политкорректную дурь. А девчонка ничего, если приведет себя в порядок. Если перестанет быть такой зажатой...*

Его ушами я услышала Айрис:

– Я немного устала. Может, в другой раз?

Наверное, пригласил ее на свидание. Она ему тактично отказала. Необязательно было заглядывать в ее «дом», чтобы все понять. Вуди для нее темная лошадка – кто знает, как он может себя повести? А он говорил ей приятные слова. Она не возражала – по крайней мере, в рабочее время. В конце концов, посетители должны уходить довольными. Но теперь-то рабочее время кончилось. Ее внимание уже не оплачивалось.

– Всего один коктейль, – упрашивал Вуди. – Я ведь ради вас сюда пришел.

– Я весь день на ногах. Правда не хочется.

– Всего один бокальчик. Честно. Ну пожалуйста!

Мужчины! Выпрашивают, как дети. Данте в детстве был таким же. А вот меня мама воспитала иначе. «Много хочешь – мало получишь». Интересно, всех женщин этому учат? Ставить желания мужчин выше своих?

– Ладно. Только один!

Он был доволен, словно предвкушал особенно вкусный

обед. *Отлично, крошка. Одного вполне хватит.*

Я правильно сделала. Он явно задумал недоброе.

Ярко освещенная гостиная его «дома», всюду декорации, мишура. Портреты самого себя на стене. Спортивные награды, пин-ап-плакаты. Реквизит, нужный лишь для спектакля. За ним – рычаги и блоки, поднимающие и опускающие занавес, потом лестница в темный подвал – там реквизиторская и костюмерная. Только в этом театре вместо реквизита – воспоминания, тайны, порно, журналы для качков, фитнес-тренажеры, здоровая пища, стопка фотографий самого себя рядом с теориями заговора, бытовым расизмом, сексистскими шутками, мечтами о лихих приключениях и ноткой сладкой тоски по воображаемому прошлому, где мужчин уважали, а женщины и иммигранты знали свое место.

Я почти забыла, как скучно обиталище подобных типов. Он не жестокий злодей. Он друг, брат, сын. Рассказывает дурацкие анекдоты на вечеринках. Ходит петь в караоке. Все его близкие друзья – мужчины и считают его похождения на одну ночь с пьяными девицами обычной потребностью здорового мужчины. Вокруг смутно ощущалось его невезение с женщинами – последние три подружки оказались «истеричками», – но в целом Вуди хороший парень. Может, чуть грубоватый снаружи, зато добрый внутри.

Интересно, у убийцы Джо Перри были друзья? Тоже считали его хорошим? Люди куда сложнее, чем их профили в соцсетях. Зло не носит отличительных одежд или каиновой

печати. Оно обыденно. Зло – это твой знакомый. И невозможно вообразить, что он способен на ужасный поступок, ведь он твой друг, а ты хороший человек.

Мне и додумывать не надо. Все как на ладони. Я видела его подвал. Там тоже не таится зло, только старомодное порно, показушные подростковые ухаживания, смутные воспоминания о приключениях по пьяни, глубоко зарытая фантазия о матери лучшего друга, жутковатые фейковые аккаунты в «Твиттере» и – напоследок – гаденькая шуточка о Джо Перри:

@радфем_Бонни95: Она просто бегала.

@ДжимИзКачалки69: Видать, не слишком быстро.

На миг во мне поселилось жуткое подозрение. А вдруг надо копнуть глубже?.. Нет, Вуди едва заметил Джо и только на минутку задержался на новостях о ее смерти. *Нарвалась, тупая курица*, – подумал он тогда, на мгновение остановив взгляд на ее фото под заголовком. – *Жаль. Еще и дети остались. Не надо было бегать одной.* Дальнейший поиск ничего нового не показал, кроме легкого неодобрения – ему не понравилась ее футболка – и подсознательной мыслишки: она, скорее всего, сама напросилась.

Слава богу. Не он снился мне в кошмаре. И все же я достаточно задержалась в его «доме» и чувствовала: что-то не так. Секс с пьяными девушками, которые чуть ли не в отключке. Просьбы «не зажиматься». Фотографии после – доказательств его побед. И раз за разом исполненная надежды мысль:

«Не как в прошлый раз», – а подле нее другая, полуоптимистичная-полусмирная: «Возьму на всякий случай».

Он покупает на «Ибэй» таблетки. Капсулы с порошком, который очень просто подмешать в напиток. Опыта Вуди набрался предостаточно. Подумаешь, мышечный релаксант, от него никакого вреда, думает он. Они только счастливее становятся. Забывают о трудах и заботах современной жизни. Возвращаются к женской покорности и доверчивости. Сразу становятся мягче, ласковее. Вовсе это не изнасилование, глупость какая! Он же не маньяк. Это феминисткам везде изнасилования чудятся.

«А сколько еще таких? – подумала я. – Сколько еще среди мужчин насильников?»

Я шла за ним следом, держась чуть поодаль, и по-прежнему следила за цепочкой его мыслей. Айрис шла сбоку от спутника, как послушная маленькая девочка на празднике, с которого невежливо просто взять и уйти. Время от времени она подавала голос, в основном же я слышала бесконечный снисходительный монолог Вуди обо всем сразу: политике, режиме тренировок, юморе, правильном питании. Такие речи не требуют ответа, кроме редкого «угу» в знак согласия. «Я, я, я...»

Минут через двадцать мы дошли до нужного места. Гастропаб с претензией на Тюдоров, с деревянными панелями – Айрис такой не выбрала бы, а вот Вуди здесь сольется с толпой. Я прекрасно знала, что он задумал. Оставалось

только его остановить. Как? «Наверное, пойду за ними, – подумала я. – Поймаю его на месте преступления». Допустим, но поверят ли мне? Поверит ли Айрис? Или посчитает сумасшедшей, которая на пустом месте обвиняет едва знакомого человека?

Я ждала снаружи. Уже стемнело. Намокшие под дождем волосы прилипли к голове. Я наблюдала *изнутри*, как Вуди заказывает напитки, а потом незаметно подмешивает содержимое капсулы Айрис в бокал. Ловко получилось. Явно много тренировался. Сегодня был далеко не первый раз. Он знал, что делает. Могла ли я о себе сказать то же?

Я уже так делала.

Да, и чем дело кончилось? – напомнил внутренний критик голосом Кэти Малкин. От него сложно отмахнуться. Кэти была со мной с самого начала, Кэти забылась в день госпожи Чаровник.

Я не знала. Откуда ребенку зна...

Тебе понравилось, правда же?

То-то и оно. Внутренний голос раздается из места более сокровенного, чем сердце; ложь там бесполезна, а мораль отброшена за ненадобностью. Невозможно пропустить эти слова мимо ушей, нельзя им не поверить. *Порезы у него на руках. А как он вздрагивал, когда мимо проходила любая девочка...*

Да, мне понравилось. Очень.

И потом, он заслужил.

Суббота, 26 марта

Еще в «Малберри» я узнала, как Архимед предотвратил нападение греков на Сиракузы с помощью зеркал – отполированных щитов. Он направил солнечный свет на корабли противника, и они загорелись. Может, это лишь легенда, но принцип за ней стоит вполне научный. Отраженный солнечный свет и правда вызывает огонь. А мысли – те же отражения чувств.

Жди.

«Рогипнол» начинает действовать минут через двадцать. Я выждала пятнадцать. Потом зашла внутрь. Разумеется, Айрис и Вуди сидели в углу. Вуди предпочитает угловые столики. Оттуда лучше обзор. Айрис пила ром с колой – понятный выбор, так проще что-нибудь подмешать. Сыплешь лекарство в банку газировки, а иногда прямиком в бокал. Напиток темный, льда много – осадок на доньшке незаметен.

Айрис почти допила. Конечно, ей не терпелось. Один коктейль, и все, как и обещала. Ей от самой себя было тошно. Ничего не поделаешь, иногда стоит немного уступить, чтобы избежать лишнего шума. Я заглянула в ее мысли, совсем чуть-чуть. Не стала трогать воспоминания, это личное. Тогда я стану не лучше Вуди.

Давай, Спящая красавица... «Рогипнол» начал действовать. Внутри Айрис разлилась странная легкость, словно она превратилась в воздушный шарик. Вот Айрис еще ребенок, смотрит на желтый шарик, парящий в ясном летнем небе... Безобидное милое воспоминание. Это хорошо. Теперь она не испугается и не станет сопротивляться. Айрис погружалась в мягкое, теплое забытие, которое Вуди считал «естественным для женщины». Выждав немного, я открыла дверь в комнату, где таилась опасность, где жил хищник.

Абракадабра!

Как же просто воскресают в памяти огни, зеркала, скатерть. Фокус, проделанный безупречно, в мгновение ока. Вот в чем магия. В зеркалах. Мама была права. Среди мастеров фокус госпожи Чаровник называется «Разворот стола». Для него нужны только зеркала и отраженный свет. Столу с приборами ничего не грозит. И ничего не разбивается. Даже на репетициях. А вот с людьми, увы, дело обстоит иначе. Временами зеркала для них опасны. Особенно если определяешь углы и перспективы наугад.

Порезы у него на руках.

Воспоминание меня не покидает. Крошечный осколок стекла в глазу, вечное напоминание: я плохая девочка. *Ты заставила его на тебя смотреть. Да-да, –* упрекает внутренний голос. *– Ты разозлилась. Вышла из себя. Вот поэтому маленьким девочкам и нельзя играть в мальчишеские игрушки.*

А госпожа Чаровник? Вспомнились ее цилиндр и сияющая серебром улыбка. Как она одним плавным движением развернула стол. Она играла в мужские игрушки. Не выходила из себя. Затмила фокусника на сцене. Оказалось, я помню запах концертного зала, библиотечный душок бархатных кресел, как у пыльных старых книг в темноте; спертый запах пудры, сценического дыма, попкорна и шоколада. Внутренний критик осыпал меня издевками. Я прогнала его в «комнату тишины». Все было в моих руках.

Взгляни на меня.

Абракадабра!

Самый подходящий момент: сонная Айрис была восприимчива, еще вспоминала желтый шарик, а Вуди пока ничего не заподозрил и сосредоточился на своем. Вуди не успел как следует удивиться, когда я вошла в бар, и приветственно поднял руку, но благодушие на его лице мигом сменилось досадой.

Опять эта!

Улыбнувшись, я потянулась к его руке и одновременно коснулась руки Айрис. На миг мне открылись оба их «дома». В обители Айрис царила мягкая, как пастельный кашемир, сонливость, а в его – зловещий лабиринт, сплошь колючая проволока и горы мусора. Зрители умолкли, прогремела барабанная дробь, померк свет...

А потом я зеркально отразила их. Поменяла местами. В мгновение ока. Даже руку пожать – и то медленнее. Я по-

меняла ее вялое полузабытье на его настороженность. *Бум!* Не сложнее, чем сменить вкус клубничного «опальчика» на кусок пирога со свининой. Все тарелки остались на месте, ни одна тайна не выплеснулась из бокалов. Сердце билось почти как обычно. Вуди задремал как ребенок, которому давно пора в постель, Айрис же резко вскочила, светясь беспокойной энергией.

– Что случилось? – Все лампы в ее «доме» разом загорелись. Сознание Вуди, напротив, затемнилось. Наконец-то сработал «Рогипнол». – Кто вы?

– Берни, – улыбнулась я. – Не беспокойся. С тобой все будет хорошо.

– А с ним?

– С ним тоже. Честное слово.

Теперь, когда опасность осталась позади, кожу привычно защипало от волны жара. Весь воздух в людном баре внезапно испарился, стояла духота.

– Вы как? – Айрис встревоженно нахмурилась.

– Прилив, – вымученно улыбнулась я. – Привет, менопауза!

– Ой, извините.

– Ничего. – Я опустилась на скамейку. Жар подступал к лицу, голове, шее, корням волос. В горле разом пересохло. Я мигом осушила недопитый бокал Вуди. Айрис не сводила с меня глаз. В тот миг она казалась мне диковинным животным в таинственных джунглях, а я была лишь путником,

смотрим на нее через пламя костра. Пришлось заглянуть в ее мысли. Среди них выделялась одна: лишь по счастливой случайности ей удалось избежать охотника.

Она перевела взгляд на Вуди, потом опять на меня.

– Говорят, так нельзя. Пить из чужого стакана.

– Верно, нельзя, – согласилась я.

– С ним все нормально?

Я кивнула.

– Не волнуйся, ничего с ним не станется.

Снотворное вырубит его часа на два. Я держала себя в руках. Все осталось целым, ни царапинки, ничего не исчезло бесследно. Он лишь уснул безобидным сном без сновидений, а потом проснется бодрым и ни одной женщине не причинит вреда. Идеально.

Айрис меня рассматривала. Раньше она походила на сонного ребенка. Теперь вдруг повзрослела, в ней появилась твердость. Я невольно поддалась ее спокойному авторитету, словно заняла место жертвы вместо нее.

– Что вы сделали?

– Ничего. – Увы, прозвучало как оправдание. – Послушай, он всего-навсего перепил. Ничего с ним не случится. Но тебе надо домой.

– А зачем вы здесь? Знакомы с ним?

– Жить будет, поверь. Пойдем отсюда, пока нас не заметили.

Айрис опять бросила взгляд на спящего. В ее глазах

светилась задумчивость, почти умиление. Она склонилась над ним, как для поцелуя, но лишь вытащила у него из кармана бумажник, взяла несколько мятых двадцаток и положила бумажник на место.

– Поедем на такси, – сказала она, повернувшись ко мне.

– Оплатит, не разорится.

Я кивнула, хотя немного встревожилась. Спорить не решилась. Когда переставляешь мебель в чужом «доме», случаются неожиданности – не стоит вмешиваться еще сильнее. Не знаю, чего я ожидала. Наверное, что Айрис немного растеряется. Расплачется. Обрадуется неожиданному спасению, а я ее по-матерински утешу. Мы подружимся. Вот к чему я готовилась и на что, честно говоря, надеялась. После Кэти Малкин у меня не было друзей. Ни единого. Только Мартин.

Увы, все повернулось иначе. Весьма странно. Будто домашняя кошечка, которая днем мурчит у тебя на коленях, ночью вдруг превращается в охотницу, загадочную и смертоносную. Я беспокойно огляделась. В пабе становилосьлюдно. Скоро спящего Вуди заметили бы и вспомнили бы нас. Меня-то вряд ли, а вот розовые волосы Айрис сильно выделяются из толпы.

– Айрис, прошу. Нам пора. Потом все обсудим.

Она равнодушно пожала плечами и вышла со мной на улицу. Слава богу! На меня накатила теплая волна – на сей раз не прилив, хотя близко. Рубашка под легкой курткой промокла от пота и прилипла к телу. К счастью, ночь выдалась

влажная и прохладная; слегка тянуло дымом. Никто не последовал за нами из паба, изнутри раздавался гул голосов и музыки.

Огни проезжающих автомобилей освещали дорогу. Я искала взглядом такси. Мимо проехала черная машина – пустая, – но водитель не обратил внимания на мои призывы.

– Да ну на фиг! – не выдержала Айрис. – Дай я попробую.

Вытянув руку, она шагнула прямо на дорогу. Она стала совсем другая, уверенная в себе на все сто. Не боялась потока машин и даже мысли не допускала, что мимо нее проедут. Такси тут же остановилось. Айрис придержала мне дверь.

– Садись, – сказала она без улыбки. – Я тебя подброшу.

В машине поговорим.

– Не стоит, я...

– Залезай. В чем дело? Не хочешь мне показывать, где живешь?

Честно говоря, мелькнула такая мыслишка.

– Нет, что ты! Просто...

– Нам надо поговорить. Давай же! Не укушу.

Я села в черную машину, ежась от растущей тревоги. Салон пах духами и сигаретным дымом. Айрис села напротив меня и приковала к месту пристальным взглядом.

– Ну вот, теперь мы одни. Рассказывай все-все.

Я покачала головой. Как такое объяснишь? Это я должна была за все отвечать и, выражаясь фигурально, собирать осколки. А в итоге Айрис оказалась вполне себе целой, в то

время как я надломилась изнутри.

Айрис, похоже, поняла мои чувства.

– Все будет хорошо. – Она похлопала меня по колену. – У моей мамы тоже приливы. Она принимает масло примулы. Говорит, помогает.

– Масло примулы, – кивнула я.

– Ага. Покупает в лавке здорового питания.

Опять кивнув, я посмотрела в окно. Под дождем расплылись акварельные пятна неоновых вывесок и витрин.

– Я подожду, – успокоила Айрис.

Она не собиралась отступать и ждала ответа.

– Тот мужчина... – наконец начала я. – Он мерзкий тип. Я его знаю.

– Мне можешь не рассказывать! – улыбнулась Айрис. – Он уломал меня с ним выпить. Никак не отставал. Я уж думала, не отвяжется. А потом стоило тебе прийти, как он сразу отрубился. – Она с любопытством вглядывалась в мое лицо. – Давай, не томи! Что ты сделала?

– Ничего.

– Ой, вот только не надо! Я почувствовала. – Айрис наклонилась ближе. Приятно пахло чем-то цветочным, вроде ландыша. – Меня будто разбудили. А все двадцать лет я спала. Как ты это сделала? Чем-то меня напоила?

Я опять покачала головой. Мои зеркала всего лишь отразили состояние Айрис и направили на Вуди, сменили ее дремоту на его бодрость. Тактика Архимеда, только без пожара.

А вдруг я отразила больше, чем хотела? Украденные из бумажника деньги. Беззастенчивость. Уверенная манера держаться – а ведь раньше она ежилась в собственной тени.

– Он что-то подсыпал мне в бокал, да?

– Да, – кивнула я. – Он и раньше так делал.

– Откуда ты узнала? И как...

– Айрис, – перебила я. – Забудь. Тебе ничто не грозит, это самое главное.

Она хрипло хохотнула.

– Ну уж нет, от меня не отделаешься. В пабе случилось что-то необычное. Тот тип собирался на меня напасть. Но мы его остановили. Вместе. У меня в мозгу будто свет вспыхнул, где-то на задворках.

Верно. Так оно и бывает.

– Вот я и хочу узнать, что за штука. Что мы с ним сделали, Берни? *И когда сможем еще раз?*

9

Суббота, 26 марта

Я наконец успокоила Айрис, пообещав встретиться с ней в понедельник. Мы попрощались у ее маленькой квартирки. В пустом доме меня ждали три пропущенных звонка, и все от матери.

Ох и денек.

Ох и денек, мать твою!

Дома случившееся показалось мне выдумкой. «Буфетная Присциллы». Джо Перри. Мой сон. Кровь на матрасе. Джим из Качалки и как я поменяла его состояние на состояние Айрис. Невероятные события, словно произошедшие с другим человеком много лет назад, когда существовала магия. Ломило тело, низ живота отзывался тупой болью. Я залезла в ванну и приняла две таблетки парацетамола. Меня била дрожь, как после сильнейшего потрясения или резко упавшего сахара в крови.

В таких случаях Диди Ля Дус (теперь навеки «Ля Дур») советует отключить все гаджеты, полежать в теплой ванне с эфирными маслами, а если совсем нехорошо, выпить огуречной воды со льдом. Нашлись только соль для ванны и большой бокал мерло, зато отключить телефон было приятно.

Я погрузилась в горячую воду. Облачка пара затуманили окна. Может, мне все показалось. Может, у меня просто в голове помутилось – при менопаузе такое бывает.

Звучит дико, но эта мысль успокаивала. В тишине и спокойствии дома такое объяснение казалось самым правдоподобным. Сами подумайте: у климактерички внезапно появляется дар проникать в разум людей и влиять на их поступки! Куда логичнее другая версия: мне все почудилось, и Айрис ничего не грозило.

А ведь Вуди отключился.

И что? Он же выпил. Подумаешь, новость!

Вино ударило в голову. Разум опустел, тело стало невесомым. Обезболивающее начало действовать, и спазмы понемногу стихали.

Видишь? Просто надо было отдохнуть. Гормоны, только и всего.

Внутренний голос звучал мягко, почти ласково. И все же я отметила, как часто мы слышим фразу «Гормоны, только и всего». Будто они не властвуют над человеческим организмом. Гормоны руководят нами, указывают, когда расти, когда засыпать и когда есть. Гормоны отвечают за температуру, фертильность, рост мышц. Гормоны ответственны за психическое здоровье. Они определяют характер. Они – источник силы и изменений как в теле, так и в разуме.

Я открыла глаза. Вода в ванне была красной. Мне стало мерзко от самой себя, и в то же время вода странным образом только подтвердила мою мысль.

Кровь помнит. И тело помнит. А разум иногда отворачивается от слепящего света правды. А вдруг я ничего не выдумывала? И как распоряжаться такой силой?

Все наши истории начинаются с крови. Да, теперь я это понимаю. С той, что знаменует, разлучает, думает своим умом, гуляет одна по ночам, иногда поет и вызывает такой страх и ужас, что мужчины вновь и вновь ее проливают, чтобы мы оставались слабыми. Ведь если мужчины поймут, какие мы на самом деле – какая в нас сила и жгучая ярость, –

они не посмеют тронуть ни одну женщину.

Некоторым женщинам этого довольно.

А некоторые зашли бы дальше.

Песня третья: All I Really Want¹⁴

*Лишь видит в зеркало она
Виденья мира, тени сна,
Всегда живая пелена...*

Альфред Теннисон. «Волшебница Шалот»

*Видимые женщины гордятся изгибами.
А невидимые крадут твой пончик.
Из «Живого журнала» Бернадетт Ингрэм
(под никнеймом «Б. И. как на духу!»):
26 марта 2022 г.*

1

Отрывок из «Выпуска девяносто второго» Кейт Хемсворт
(«*Лайф стори пресс*», 2023 г.)

Хотела бы я поподробнее рассказать про Второй Случай. Но мне было всего тринадцать. Мне и своих проблем хватало. В «Малберри» от учениц ожидали высокой успеваемости. На Доску почета каждый год гордо вывешивали фотографии выпускниц, поступивших в Оксфорд и Кем-

¹⁴ Только этого хочу (англ.).

бридж. Я каждый вечер корпела над горой домашних заданий, а на выходных их скапливалось в два раза больше. Особыми успехами я похвастаться не могла: английский и физкультура удавались мне неплохо, я очень старалась в театральном кружке и на музыке, зато с математикой был полный швах, а с латынью и французским – и того хуже. Наша классная, миссис Ларами, ясно дала понять: нужно учиться усерднее. Родители нашли мне репетитора по математике, поэтому свободного времени стало еще меньше; к тому же мама с папой ожидали, что я вскоре исправлю оценки.

И только на физкультуре я забывала о тревогах. Мистер Дэвис был спортивным, нестрогим, симпатичным и компанейским. Когда-то он играл в Премьер-лиге, а потом стал учителем в нашем спортивном кружке, вместо спортивного костюма носил шорты, и все девчонки его обожали. Мистер Дэвис никогда не обедал в кафетерии с другими учителями. Он перекусывал сэндвичами либо на поле, либо у беговой дорожки. Иногда мы поглядывали издалека, как он наматывает круги по полю. У нас сложилась своя компания – «любимицы мистера Дэвиса», – и на обеде мы сидели с ним, или в спортивном зале, или на поле, если погода позволяла. В клуб входили мы с Лорелей Джонс, а еще Грейс Оймейд, которая могла пробежать стометровку за двенадцать секунд, после уроков занималась в местном спортивном клубе и к тому же, как говорил мистер Дэвис, вполне могла попасть в национальную сборную, а то и в олимпийскую.

Мы немножко завидовали Грейс, ведь мистер Дэвис особенно ее выделял. Хотя завидовать Грейс было глупо. Когда она начинала бегать, оставалось только изумляться, как воздух искрился от ее движений, словно она явилась из другого мира. Самая высокая девочка в классе; несоразмерно длинные ноги, узкая голова и взрослившая ее короткая стрижка. Грейс стеснялась и частенько сутулилась, пытаясь скрыть рост. Зато стоило ей побежать, как все менялось. Она становилась существом из другого мира, невыразимо прекрасным. Глядя на нее, вполне верилось, что девочки могли превращаться в гепардов и газелей. А еще ей нравился мистер Д., пусть она и не признавалась. Рядом с ним она прямо светилась. А Берни Мун – нет. Она никогда не наблюдала, как мистер Д. бегаёт. Только почему-то всегда приходила посмотреть на тренировку, хотя никогда не участвовала. Была бы я повнимательней... Да что мы понимали в тринадцать лет!

Последняя четверть в старой школе. В следующем году мы переходили в среднюю. Пригревало летнее солнышко, и мы с подружками больше времени проводили на стадионе с мистером Д. Берни сидела на траве с привычным обедом из дома (вафлей в шоколаде «Голубая лента», сэндвичем с арахисовым маслом, яблоком «Гренни Смит») на каждой тренировке, но никогда на нас не смотрела и ни с кем не разговаривала. Только следила, как мы бегаем, да так пристально, что мне становилось не по себе. Не могу даже объяснить

почему. Становилось, и все. Лицо у нее розовело, дыхание учащалось, и под конец пробежки она едва переводила дыхание, прямо как мы. Лорелей Джонс думала, что Берни лесбиянка, и пустила по школе слух, как та кайфует от бегущих девчонок. Я немного пристыдила Лорелей, и мы с ней даже ненадолго поссорились, но Берни Мун и внимания не обратила. Так и приходила на нас смотреть до самого дня состязаний.

День состязаний в «Малберри» выпадал на конец летней четверти. Участвовали все ученицы, от десятилеток до выпускниц. Соревнования были разные: и бег, и теннис, а под конец – всеобщий забег на восемьсот метров. Родители смотрели на нас с трибун, а девочки сидели на траве с подружками, болтали, делились вкусностями, подбадривали свои команды, плели венки из ромашек и вообще наслаждались летним солнышком.

Казалось бы, чудесный день. Четвертные контрольные закончились, учителя махнули на нас рукой, и на уроках нам только устраивали викторины и игры. Меня отобрали для трех соревнований в моей категории: бега на четыреста метров, эстафеты и стометровки с препятствиями. Моя мама и мама Берни собирались прийти. Вдобавок пригласили почетную гостью, даму Хэтти Рендалл, давнюю выпускницу школы, – много лет назад ее наградили серебряной медалью на чемпионате Европы. А я взяла и растянула лодыжку, когда дурачилась на турнике, и мистер Дэвис меня отстранил.

Сама виновата, и все равно на душе было гадко. Конечно, я бы не обошла Грейс Оймейд, но теперь мне пришлось сидеть на складных стульях с другими девчонками, не допущенными до состязаний, – мы этот ряд называли «отстойный уголок».

Мои подруги устроили пикник по другую сторону беговой дорожки. Лорелей, судя по виду, веселилась больше всех, смеялась пронзительно и немного издевательски. Иногда она поглядывала на меня и остальных девчонок – Эми Уоттс, страдающую церебральным параличом, Джози Флетчер, словившую лодыжку, и девочек, у которых пошли месячные, – и смеялась еще громче. Противно. Терпеть не могу, когда все вместе, а я сижу одна. На миг мелькнула мысль: «А ведь у Берни всю жизнь так», и меня кольнул потаенный стыд.

Берни сидела на траве поодаль от меня. Одна-одинешенька, словно от нее расходились круги, как от брошенного в лужу камня. Другие девочки сидели группками, или болтали, или делали растяжку. Впервые за три года я немного пожалела Берни.

Потом начался бег на четыреста метров. Из громкоговорителя раздался голос мистера Д.: он велел участницам приготовиться. Грейс встала с травы. Ее длинные коричневые ноги в темно-синих шортах привлекали внимание – такие крепкие, стройные. Берни тоже поднялась, коснулась ее руки и что-то сказала. Возможно: «Ну, удачи». Хотя, зная Берни, скорее что-нибудь о лошадях или книгах, или спроси-

ла, какую суперспособность Грейс выбрала бы – становиться невидимой или уметь летать. Только вот ее лицо... Напряженное, почти сердитое...

Грейс растерялась, словно Берни сказала нечто странное, а потом пошла к линии старта. К ней присоединились остальные: Лорелей Джонс, Кейт Линдси, Дженни Эшфорд, Линда Кайт – в общем, все талантливые бегуни школы. Мистер Дэвис пожелал им удачи. Выстрел стартового пистолета – и Грейс побежала первой, как всегда. Природный талант. Никто и не надеялся ее перегнать. Даже участвовать было незачем, разве только за дополнительные баллы, и потом, никто не хотел опозориться перед мистером Д.

Настало время Второго Случая. Да-да, того самого. С виду ничего особенного не произошло, просто Грейс вдруг замерла. Я сидела далеко и не видела ее лица, но помню впечатления: она остановилась резко, будто врезалась в стену. Кое-какие девочки тоже замедлили бег, а потом неохотно ускорились, как машины на скоростной магистрали после аварии. Дженни и Лорелей добежали до финишной прямой одновременно, а Грейс сошла с дорожки, взяла спортивную сумку и отправилась к воротам школы. Несколько девочек пытались ее догнать, но мистер Д. жестом велел им остаться и побежал сам. Пока он поравнялся с Грейс, она уже дошла до парковки. Они стояли вдвоем среди машин. Мистер Д. положил руку ей на плечо, но Грейс высвободилась. Ветер донес до ушей ее крик: «Нет! Больше никогда!» Потом она

убежала прочь, а бедный мистер Д. остался стоять, растерянный и удрученный. Потом он объяснил нам, что у Грейс сдали нервы, однако она не вернулась в школу, а на следующий год мы узнали: она ушла из «Малберри» в «Солнечный берег» – обычную общеобразовательную на другом конце города.

Девочки окружили мистера Д. Все, кроме Берни. Она стояла в своем маленьком одиноком кругу – несчастная, в спортивных штанах и с длинными косичками, как у маленькой. Прижимала ладони к животу, словно ей больно. А потом зашагала обратно к «отстойному уголку».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.